

Михаил Алексеев

ЦАРЬ!
ПРОСТО ЦАРЬ!

Попаданец (АСТ)

Михаил Алексеев

**Неожиданный шанс.
Царь! Просто Царь!**

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Алексеев М. Е.

Неожиданный шанс. Царь! Просто Царь! / М. Е. Алексеев —
«Издательство АСТ», 2024 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-161961-9

Путь от княжеского детинца в Новгороде до царского престола в Москве династия Рюриковичей одолела почти за семь столетий. Фомичев такие временные рамки для своего бизнес-проекта планировать не мог. Да и, как нормальный человек, не хотел. Поэтому его команда, используя эффект послезнания и технологическое преимущество, сумела втиснуть эти столетия в десяток лет. Испытывал ли Фомичев, став царем, чувство эйфории? Чувство удовлетворения от того, что не ошибся в подборе команды, от успехов, достигнутых этой командой? Безусловно, да! Но не эйфорию. Жизненный опыт подсказывал ему, что, приняв этот титул, он самозаявился в высшую лигу этого мира. А новичков не любят нигде. И свое право на титул придется подтверждать. Впрочем, как и везде, и во все времена! Этот титул означал лишь начало нового этапа жизни в этом мире.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-161961-9

© Алексеев М. Е., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	32
Глава 8	37
Глава 9	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Михаил Алексеев

Царь! Просто царь!

© Михаил Алексеев, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава 1

Олег смотрел на стоящее перед ним войско. Численностью оно его не пугало. Если вообще могло быть применимо это слово к человеку его рода и профессии. Страх, конечно, мог быть у любого воина, но вот показать его, значило потерять честь. Но в данном случае все было гораздо проще. Слева, справа и сзади него стояло войско, в несколько раз превышающее численностью противостоящего врага. Но! Даже любому трэллу, глядя на его войско, было понятно, что оно состоит из множества дружин и хирдов, во главе которых стоят свои вожди. Фигурки же воинов в одинаковой броне, в плащах одинакового цвета и с одинаковым оружием в руках, отсюда, с расстояния в два перестрела, выглядели монолитной стеной. И стена эта не только выглядела монолитной. Она таковой и была. На Олеге была надета броня, выкованная вяземскими кузнецами, и в руках он держал меч их же работы. Стоило это богатство всех накоплений Олега за предыдущую жизнь. И хотя ходили упорные слухи, что на продажу вяземский князь выставляет броню и оружие хуже, чем вооружает свое войско, Олег твердо знал, что ничего лучшего по обоим берегам Варяжского моря и далеких земель галлов, выковать никому не удалось. Оставался один шаг, чтобы не только оправдать затраты на этот доспех, но и разбогатеть. Баснословно разбогатеть! Все воины севера знали, что самыми богатыми землями являются земли ромеев. Но эти земли лежали далеко, да и армия кесарей ромейских была сильна и многочисленна. Столь многочисленна, что дружины северян, разделенные конунгами, ярлами и хевдингами, никогда не смогли бы собрать войско под единым началом, способное сразиться с армией базилевсов. А тут, прямо под боком, неожиданно возникло княжество, богатство которого уже соперничало с землями далекого Царьграда. И численность княжеского войска совсем не пугала воинов с берегов Варяжского моря. К тому же хоть и рассказывали, что воины княжеского войска в бою отважны и умелы, всем было известно, что их, этих воинов, князь вяземский набирал из рабов. Любой же северянин с рождения знал – не может трэлл превзойти в воинском искусстве потомственного, воспитанного поколениями предков воина. А таких, стоящих в одном строю с Олегом, было более пятидесяти сотен. И чувство единения с ними наполняло душу Олега гордостью и силой. Жаль, Рюрик не дожил до этого дня. Он ушел к престолу Перуна за седмицу до начала похода. На тризне в его честь все конунги и ярлы, пришедшие на зов Рюрика в этот поход, единогласно передали право командования войском ближнику и родственнику Рюрика, Олегу. Речей же о том, чтобы отложить поход по причине смерти человека, его задумавшего, даже не шло. Князь вяземский был просто неприлично богат. И это богатство, по мнению всех участников похода, было ему не по чину. На берегах Варяжского моря было много славных конунгов, и каждый из них, по праву не менее славных предков, считал эту ситуацию неправильной. Поэтому уже ничто не могло спасти вяземского князя. И пусть все, пытавшиеся ранее исправить это положение, потерпели неудачу, это никак не повлияло на решимость Рюрика, Олега и их товарищей. Просто предшественники-неудачники таковыми и были. И все эти рассказы про чудо-оружие, это рассказы слабаков. Олег был уверен, что уже сейчас Тверь и Полоцк заняты дружинами союзных ярлов, получивших право овладеть этими городами. По-другому и быть не могло! Еще ни разу стены и башни не смогли сдержать воинов севера и все они пали. Но сейчас – все мысли в сторону! Богатства получит победивший в этой битве. И он, Олег, ставший конунгом земель словеней, чуди и кривичей ильменских всего лишь три седмицы назад, достоин этой чести. Он победит!

Олег еще раз осмотрел вражеское войско. Что ж! Князь вяземский поставил его грамотно. Обойти его, ударить во фланг и тыл не получится. Справа ров, слева лес, в котором атакующий строй неминуемо развалится. Значит, придется бить в лоб. Стена на стену. Это, конечно, плохо. Но воинов у него гораздо больше, чем у вяземского князя. Это хорошо. Значит, силы покинут врага раньше. По-другому быть не может. Впереди вяземского войска стоят

лучники. Они начнут бой первыми. Олег знает, что вяземские луки самые дальноточные из всех ему известных. Поэтому расстояние до лучников нужно пройти как можно быстрее. А дальше его воины ударят в стену ростовых щитов и наверняка пробьют ее. Пусть даже и не сразу. Олег поднял руку, чтобы отдать приказ трубачу, готовому подать сигнал к атаке, но не успел. Вместо протяжного звука рога, который должен был бросить его войско вперед, он услышал непонятный рокот, накатывающийся откуда-то с левого крыла его войска. И этот рокот, шедший из-за ближайшего леса, все усиливался. Звук был ни на что не похож. Как будто кто-то невидимый быстро-быстро махал крыльями, которые при этом еще и посвистывали. Звук накатывался, становясь все сильнее и сильнее. Олег замер, стоя с поднятой рукой и повернувшись в сторону непонятного звука. Туда же смотрело и все войско. Внезапно звук многократно усилился, перейдя в рев. Из-за кромки леса вынырнуло летающее чудовище. Нет! Два чудовища! Вслед за первым летело точно такое же. С ужасающим ревом они, снижаясь, неслись к их строю. Олег оцепенел. Происходящее походило на словенские былины о Змее Горыныче.

Когда чудовища, одно за другим, поднимая с земли тучи пыли, листвы, сухой травы, веток, пронесли над войском, Олегу невероятных усилий стоило просто устоять. А слева и справа от него уже лежали на земле, от ужаса закрыв руками головы и поджав ноги, его товарищи. Чудовища, развернувшись над вяземским войском, снова шли на них. Причем теперь первое чудовище летело точно к нему, к Олегу. И пока второе отвлеклось на что-то позади него, в стороне озера, первое, подлетев, зависло в нескольких шагах, слепя его потоками поднятой пыли и почти сбивая с ног страшным ветром. Вонь от чудовища шла такая, какой никогда еще Олег не знал. И все же, перед смертью собрав все силы и устояв на ногах под ударами ветра и вони, Олег, держа в одной руке меч и прикрывая глаза другой, сумел взглянуть в глаза своей смерти.

И был поражен. В чудовище сидел человек! Даже двое! Выглядели они странно в круглых белых шлемах, но это, безусловно, были люди. И сейчас, смеясь, они смотрели на него. А потом чудовище взревело еще сильнее, издало пронзительный, выворачивающий страхом внутренности, визг и, перепрыгнув через Олега, унеслось к озеру. Теперь уже на землю попадали и те, кто устоял до этого. Олег не упал потому, что просто окаменел. Это состояние длилось несколько ударов сердца. Хотя о чем это он? Сердце у него в это время не билось, тоже замерев от ужаса. И все же он смог! Сначала почувствовал, как под броней снова застучало сердце, а потом, собрав в кулак всю свою волю, он повернулся, провожая взглядом улетающее чудовище.

А оно уже несло на помощь другому, которое кружилось над берегом озера, ревом разгоняя бегущих оттуда воинов. На глазах Олега на лодье, отошедшей от берега и успевшей поднять парус, под напором ветра, создаваемого чудовищем, сломалась мачта, и парус накрыл копошившиеся под ним фигурки людей. Внезапно кто-то толкнул Олега в бок. Он оглянулся. Рядом с ним стоял дружинник из числа ильменских кривичей. Судя по почти такому же, как у него, доспеху, сын их старейшины. Он был единственным из кривичей, кто имел столь богатую броню. Тот стоял и смотрел куда-то за спину Олега. Олег повернулся. Прямо перед ним на расстоянии броска сулицы стояла стена ростовых щитов вяземского войска. Пока чудовища резвились, враг броском сблизился и находился теперь на расстоянии, обрекающем на неудачу любую попытку вставших с земли воинов сбить строй. Приходя в себя, Олег огляделся. Вражеские фланги уже не прикрывались рвом и лесом. Но воспользоваться этим было просто некому. Из тысяч, стоявших в строю, на месте остались несколько сотен. Да и те поднимались с земли, и вряд ли сейчас могли сражаться. Они могли просто умереть с оружием в руках, но не смогли бы взять за свои жизни даже чужую кровь.

Олег снова нашел в себе силы поднять меч и приготовиться к последнему бою. Рядом с ним зазвенели оружием и лязгнули броней его ближники, включая родовитого кривича. Однако строй одинаковых щитов и шлемов вяземского войска оставался недвижим. Так

длилось пару десятков ударов сердца. Неожиданно щиты напротив Олега раздвинулись, и несколько воинов вынесли стол и лавки. Стол поставили между Олегом и строем вяземского войска. Лавки – по обеим сторонам и тут же, покрыв столешницу белой скатертью, воины так же быстро удалились. Щиты еще не сомкнулись, когда из-за них вышли три витязя. Все в одинаковых доспехах и пурпурных плащах. Первым перешагнул лавку со стороны строя и сел на нее широкоплечий воин среднего роста. Двое оставшихся, более высоких, заняли свои места слева и справа от первого. А тот, первый, снял шлем и аккуратно поставил его на скатерть. Круглое волевое лицо, серые глаза, короткая стрижка ежиком и такая же аккуратная борода. Все, как и описывали лазутчики и купцы, – князь Вяземский Сергей.

Глава 2

– Погнали! – произнес Фомичев, и тут же затараторил связист, вызывая экипажи вертолетов, кружащихся сейчас в районе ожидания где-то за Смоленском. С этой секунды его мучил один вопрос – успеют летчики или все же лучникам придется стрелять. Принципиально это ничего не меняло. В любом случае вертолеты должны были появиться до столкновения княжеского войска с новгородцами. Но все получилось как нельзя лучше. Новгородцы не успели и шага сделать, когда справа из-за леса выскочили крылатые машины. А дальше все пошло по плану. Шок от невиданных аппаратов! Нет! Не аппаратов, таких слов тут не знали. Наверняка вертолеты для новгородцев видятся чудовищами. Драконами, Чудомюдом и всеми остальными былинными ужасами. Когда до его слуха донесся inferнальный, выворачивающий внутренности, визг, даже его, выходца из двадцать первого столетия, привыкшего к киношным ужасам, пробрало. А все его войско как один качнулось назад, удерживаемое на месте лишь железной дисциплиной и волей командиров. Фомичев поморщился. Вот все вроде правильно сделали! Зимой «обкатали» все войско вертолетами. Благо теперь за топливо можно было не переживать. Хотя моторесурс техники и невосстановим, все же это все было сделано правильно! Иначе и собственные войска сейчас бы бежали, сметая все на своем пути. Однако идея добавить звук, издаваемый монстром из фильма «Чужие», пришедшая кому-то в голову всего лишь за несколько дней до начала похода, не была опробована на личном составе. По причине отсутствия необходимого для этого времени. Единственное, командиров всех рангов предупредили на словах о сюрпризе. Иначе бы беда! Князь смотрел, как на его глазах исчезало могучее войско соперника, минутами ранее выглядевшее монолитной и неприступной громадой. Для себя он отметил, что одинокая фигурка воина в центре построения, там, где минуты назад развевался стяг с падающим соколом, все же устояла. И чуть погодя рядом с ней встали еще с десяток бойцов.

«Если это Олег, то силен! – отметил про себя Фомичев. – И даже если не Олег – все равно силен, командуя такими подчиненными. Хотя, судя по знакомой броне, скорей всего это именно он».

Повернув голову, увидел вопросительный взгляд воеводы.

– Давай! – кивнул он ему и, ударив пятками под бока, послал коня вперед.

Заревела труба, и войско, качнувшись и сохраняя строй, размеренным шагом двинулось вперед. Через минуты стена тяжелой пехоты стояла в паре десятков шагов перед остатками новгородского войска. Когда все заранее спланированное было исполнено, Фомичев прошел через коридор расступившихся воинов и не торопясь занял место за столом. Рядом с ним свои места заняли Федор и Чтибор. Фомичев снял шлем с подшлемником и, огладив ежик влажных от пота волос, взглянул на кучку стоявших перед ним воинов. Найдя глазами фигуру того, кто устоял перед обликом вертолета, сделал приглашающий жест.

– Присаживайтесь! Как у нас говорят – в ногах правды нет. – И, хохотнув, добавил: – Правда, и в жопе тоже!

И уже серьезным тоном:

– У нас есть вопросы, которые нам нужно обсудить.

«Угадал!» – с удовлетворением отметил он, когда первым к столу двинулся именно тот, устоявший на ногах воин в максимильяновском доспехе.

Подойдя к столу, Олег обернулся и знаком подозвал еще двух воинов, также одетых в латы вяземских кузнецов, после чего последовал примеру Фомичева и, сняв шлем, занял место напротив него. Некоторое время оба внимательно изучали друг друга. Олег был типичным северянином: сероглазым, с обветренным морскими ветрами круглым лицом, светловолосым, с бородой в одну косичку. И главное – в его глазах уже не было и тени того ужаса, который он

испытал минутами ранее. Его самообладанию можно было позавидовать. Хотя люди его эпохи и профессии так часто вставали на черту, отделявшую жизнь от смерти, что это приучило их относиться к этому с философским равнодушием. На спутников Олега, занявших свои места, слева и справа от князя, Фомичев взглянул мельком.

– Значит, ты Олег, – нарушил молчание Фомичев. – Вещий Олег! Или я ошибаюсь?

– Есть у меня и такое прозвище, – как бы нехотя согласился Олег и утверждающе продолжил: – А ты князь Сергей.

Фомичев в знак согласия кивнул головой и добавил:

– Вот и познакомились. И все же, возвращаясь к прозвищу «Вещий» – как тогда могло случиться все это? – Фомичев обвел рукой место, где недавно стояло новгородское войско.

– Боги решают, – спокойным голосом сослался на богов тот. И после паузы добавил: – Видение у меня было, но оно обещало благополучный исход.

– Ну так ничего ужасного еще и не случилось. – Фомичев хотел откинуться на спинку кресла, но вовремя вспомнил, что сидит на простой лавке.

– Случилось! – не согласился Олег. – Я только что потерял честь и войско.

– Это с какой стороны посмотреть на это дело! – возразил Фомичев. – Я вот только одного человека, устоявшего на ногах, видел. Ну, не считая тех, кто смог бежать. И это был ты. А остальные либо пали, сраженные страхом, либо бежали, забыв честь и обязанность защищать вождя.

– Я не осуждаю их. Они люди и готовы были сражаться с людьми, а не с творениями темных богов.

– Это не так. Но сейчас это неважно. Важно другое. Ты жив, и проявил только что недюжинную силу воли и храбрость. Чего не смогли показать твои воины. А это значит, что нужно говорить не о твоей, а об их чести. Это первое. Второе. Ничего еще не закончилось, и если мы придем к соглашению, то твой поход будет успешным. Не столь успешным, конечно, как если бы ты одержал победу и смог бы ограбить Вязьму и Смоленск, но в данном случае лучше синица в руке, нежели журавль в небе. А вот если не договоримся...

Сергей вздохнул и развел руки, показывая свое сожаление и разочарование другим возможным вариантом развития ситуации.

Олег молчал, ожидая продолжения. Фомичев, оглянувшись, поднял правую руку – и в нее стоявший позади воин тут же вложил тубус. Князь открыл его и развернул изрядный свиток, размером почти со стол, за которым они сидели.

– Смотри! – Фомичев повернул свиток, оказавшийся картой, в сторону Олега. – Вот мой город Тверь, река Волга, тебе известная как Итиль. Кстати, дружина, отправленная тобой на захват Твери, разгромлена. Ярл убит.

Олег, как морской воин, был знаком с картами, но ничего подобного видеть ранее ему не приходилось. Он впился глазами в свиток, раскрашенный в основном в зеленый цвет лесов с голубыми прожилками рек и маленькими кружочками, обозначающими, по-видимому, города. По наитию он понимал этот рисунок. Чутье подсказывало ему, что сейчас перед ним лежит ценность, сравнимая по цене с его латами. Он внимательно следил за движением пальцев князя Сергея и слушал пояснения. Даже сообщение о разгроме дружины в Твери не заставило его отвлечься от разглядывания карты. А князь Вяземский продолжал:

– Вот Новгород, откуда ты пришел.

Олег видел Ильмень, Волхов, знакомые изгибы восточных берегов Варяжского моря, поражаясь точности картины.

– Вот Полоцк. Войско, отправленное тобой к нему, также разгромлено.

Князь Вяземский говорил все это ровным голосом, что подразумевало под собой незыблемую уверенность в том, что по-другому и быть не могло.

– Мы вот здесь. – Палец Фомичева воткнулся в место на карте ниже Смоленска по течению Днепра.

– А после Смоленска и Вязьмы, – палец обозначил точки, – ты собирався идти на Киев. И сесть там.

– Нет! – возразил Олег.

– Как нет? – удивился князь Вяземский.

– Киев бы я взял. Но княжить бы стал в Вязьме. Город богатый. Кузни у тебя там большие и кузнецы искусные, – пояснил Олег.

– Ясно! Но это уже точно не получится. А вот Киев ты можешь брать.

– Уже некем. Часть войска, как ты сам рассказал, ты перебил. Остальные разбежались.

– Вот! – Поднял палец. – Вот здесь интересный момент. Смотри!

Фомичев встал и указал рукой за спину Олегу.

Тот тоже поднялся и, помедлив, повернулся спиной к победителям. В конце концов, даже его смерть уже ничего не могла изменить и ничего не решала.

– Вот, смотри сюда! – Через его плечо рука князя Вяземского протянула Олегу странный черный предмет. Не сразу, но следуя советам князя, Олег сумел приспособить предмет к глазам. И о чудо! Воины его войска, суетившиеся на далеком берегу озера, прыжком приблизились к нему. Он даже отпрянул назад. Однако, разобравшись, снова принял к предмету, разглядывая то, что творилось на берегу, и даже узнавая некоторых воинов. К слову, летающие чудовища уже улетели и сейчас воины пребывали в растерянности. С одной стороны, они теперь могли уплыть. Ничто этому не мешало. С другой, они ясно видели, что враг их не атакует, и вообще, перед строем княжеского войска что-то происходит. Там стоят в строю те, кто не захотел или не смог убежать от чудовищ. И главное, над ними развевался стяг Олега Вещего. Поэтому многие, собираясь в дружины и хирды, начали выдвигаться к местам, на которых их застали ящеры.

– Войско у тебя еще есть, – вернул Олега к действительности голос вяземского князя, – вернемся к столу!

– Вот это! – Рука Фомичева прочертила полосу по карте. – От Хамлиджа до Журавлиного острова в устье Западной Двины в Варяжском взморье. Это – мое! Остальное – новгородские земли, киевские земли – могут быть твоими. Если пожелаешь.

Олег критически посмотрел на карту и, недоверчиво хмыкнув, уточнил:

– Хазары – хорошие воины. Хотя слышал я, что ты с ними знаком. Близко знаком. Снова чудовищ призовешь? – поинтересовался он.

– Кто знает? Возможно. Я к чему тебе все это говорю и показываю? Со мной дружить выгоднее.

– Возможно. Только я тебе зачем?

– А мне все не нужно. Точнее, может, и нужно было бы, но я точно знаю, что не все, что можно откусить, потом получается прожевать. У меня просто столько людей нет для этой земли. Здесь вообще людей мало. Поэтому я и стараюсь их беречь.

И Фомичев ткнул пальцем в Крым.

– Вот южная граница моего интереса! Сейчас это называется Таврика. Один я просто не смогу это все, – он снова махнул рукой на карту, – освоить. Даже при всем желании на это потребуется не одна жизнь.

«Знал бы ты, что даже тысячу лет спустя, десятки поколений твоих потомков сумели лишь вершки собрать с этой богатейшей части планеты. Шестой части планеты!» – усмехнулся Сергей про себя.

– Сейчас, – рука Фомичева прижала центр карты, – здесь два князя. Ты и я. И вот это все должно принадлежать нам.

– У меня выбор невелик. Я или соглашаюсь, или с тобой согласится тот, кто будет вместо меня.

Вяземский князь снова развел руками, подтверждая вывод Олега.

– Хорошо! Допустим, я согласен. Что сейчас дальше делать будем?

Олег мотнул головой в сторону уже вернувшихся с берега озера и скапливающихся воинов за своей спиной.

Фомичев переглянулся со своими соратниками, и те, поняв его, поднялись и отошли к строю. Секунды спустя Олег кивнул головой, и оба его спутника также покинули его. Фомичев нагнулся над столом, показывая Олегу, что хочет сказать нечто, не для лишних ушей. Олег потянулся ему навстречу.

– Для штурма Киева тебе столько войск и не нужно. Отправь обратно тех, кто сегодня не проявил храбрости. С оставшимися можешь находиться на берегу Днепра еще три дня. Потом тебе нужно идти в Киев. А за эти три дня мы обсудим с тобой все вопросы.

Олег задумался.

– Мы пришли на битву. Битва должна состояться. Иначе я потеряю честь.

Фомичев нахмурился. Ситуация до этой минуты складывалась как нельзя лучше. И вот надо же!

Заметив реакцию Фомичева, Олег усмехнулся и продолжил:

– Но! Боги не против, чтобы спор двух конунгов решился поединком двух лучших воинов.

Выражение лица вяземского князя сменилось на скептическое.

– После поединка конунги решают вопрос уже за столом переговоров. Независимо от исхода поединка. То есть, конечно, позиция победившей стороны выглядит получше, но окончательно все решается за столом. Это обычное дело, – терпеливо пояснил новгородский князь.

Фомичев задумался на мгновение, а потом выпрямился и, бросив фразу «мне нужно посоветоваться», встал и отошел к своим ближникам.

Олег, в свою очередь, подозвал знаком своего хирдмана и, сказав тому несколько слов, принялся ждать решения вяземского князя.

Сергей же в это время, обрисовав ситуацию, выслушивал мнения ближников. Но те тоже не знали, есть ли смысл соглашаться. Конец прениям положил подошедший Чтибор, однозначно поддерживавший предложение Олега.

– Если бы не этот обычай, то в северных землях уже не было бы воинов. – И предваряя вопрос Фомичева, добавил: – Но да! Проигравшая сторона чаще всего принимает решение победившей. Но не всегда. В общем, это обычная возможность сохранить лицо одной из сторон или даже обеим. Причем схватка не обязательно должна быть до смерти. Хорошие воины – большая ценность.

И тут же добавил:

– Дозволь мне, князь!

Фомичев оглянулся. Перед подобием строя соперников и за спиной Олега, в окружении нескольких воинов стоял богатырь. Чтибор рядом с ним смотрелся бы подростком. Фомичев задумался. Даже если дело обстоит и так, как говорил Олег и подтвердил Чтибор, проигрывать не хотелось. Он был уверен в мастерстве Чтибора, однако размер и физическая сила в поединках всегда играли весьма немаловажную роль. Это только в американских боевиках маленькие и худые побеждают больших и сильных. В реальной жизни зачастую все обстоит ровно наоборот. Исключением, наверное, были только шахматы, но и там, по утверждению Владимира Высоцкого, размер бицепса оказывал влияние на результат. К тому же на великане был надет полный латный доспех вяземских кузнецов. То есть победить за счет качества доспехов у Чтибора не получится. А большой вес доспеха, сделанного на продажу, компенсируется силой соперника. Точку в размышлениях поставило то, что гигант начал разминаться двумя мечами.

«Он еще и обоерукий! Нет. Чтибор отпадает. А кто тогда? Самому идти? А вдруг не сдюжу? Позор-то какой! Нет. Это не вариант». – Все это промелькнуло у Фомичева в секунды. Он повернулся лицом к своему строю, и видимо, сомнения отобразились на его лице. Потому что неожиданно из строя раздался голос:

– Сергей Владимирович, разрешите мне попробовать?

Голос был знакомым, и Фомичев моментально отыскал глазами говорившего. Это был десятник рыцарской сотни Романов.

«Александр! – вспомнил имя Фомичев. – Он показал себя в последнем походе в Хамлидж. Да и в Муроме был совсем неплох. Что там еще в его личном деле было? Борец. И, кажется, неплохой. Владеет мечом на уровне. И габариты хороши».

Князь снова обернулся и, смерив взглядом противника, сделал вывод: «В росте нурману уступает. В плечах может быть немного, но тут этого не понять – доспехи скрывают истинные размеры. Профессиональный спортсмен, здесь с первого дня, так что выносливость должна быть на уровне. По силе сказать трудно, но есть преимущество – мастерство борца. А этот бонус никому не виден, но он есть. И это очень серьезный козырь, недаром основная масса чемпионов боев без правил были именно борцы. Смешно говорить, но, похоже, в схватке двух мечников шансы выше у того, кто лучше умеет бороться!»

Жестом подозвал его к себе.

– Оценил противника?

Романов кивнул в ответ.

– Обоерукий. Непросто будет, но биться можно.

– Ты вот что. В принципе, схватка будет не до смерти. Это будет мое условие. Однако твоя жизнь для меня важнее и условий, и жизни этого парня. – Он кивнул себе за спину. – Смотри сам по ситуации.

– Понял, князь! – И Романов, повернувшись, крикнул куда-то за спины стоявших в строю воинов: – Цвайхандер мне!

Глава 3

Начали без раскачки. Оба знали, что доспех выдерживает удар мечом и не боялись подставиться. Опасен был удар пусть не столь сильный, но точный. В сочленение доспехов. Вот это было опасно. Двуручник в ударе был медленнее, но значительно сильнее, и Александр от души вкладывался в удары по конечностям, надеясь если уж не повредить руку или ногу, то хотя бы отсушить на время. И еще Романов знал, что у соперника доспех тяжелее, и надеялся, что тот просто быстрее устанет. Но минута шла за минутой, а противник все так же без усталости продолжал осыпать его ударами с обеих рук, целя в сочленения лат и уклоняясь по возможности от ударов Александра. Зрители с обеих сторон подбадривали бойцов криками, и те старались на славу, но результат был минимален – Александр сумел один раз ударить нурмана черенком меча в личину шлема, а тот в свою очередь по касательной попал в сочленение доспеха в локте. Основной удар пришелся в наруч и клинок просто соскользнул в щель брони, уже потеряв силу и не повредив сустав.

Через некоторое время Романов понял, что победителем их схватки станет тот, кто попросту не упадет от усталости первым. И тут уже у него не было уверенности в том, то это будет именно он. Нурман выглядел все таким же свежим. Романов, продолжая на автомате атаковать и защищаться, лихорадочно перебирал варианты, ведущие к победе. Наконец, перелав множество, он решился.

Разорвав дистанцию, он остановился и воткнул меч в землю. После чего сбросил латные рукавицы и, отстегнув шлем, подставил мокрое от пота лицо. Нурман, не понимая, что происходит, тоже остановился, опустив мечи. Романов приподнял руки и принял борцовскую стойку, приглашая соперника. Тот, после паузы понял, что ему предлагают бороться, раз на мечах в условиях ограничений, данных князьями, выявить победителя не представляется возможным. Нурман тоже воткнул в землю мечи и секундами позже встал перед Романовым так же без рукавиц и шлема. Теперь он смог его рассмотреть и удивился. Противник выглядел практически копией знаменитого актера Дольфа Лундгрена, с одним отличием – в его реальности у артиста не было бороды. Правда, наличие такого доспеха потребовало от нурмана иметь короткую стрижку и совсем не выдающуюся по местным меркам бороду. И все же, на взгляд Романова, тот был явно похож на знаменитого потомка. Но все это было не важно. Важно то, что нурман вызов принял и, раскинув руки, двинулся к Романову. Манеру местных борцов тот знал. Борьба без оружия здесь была популярным развлечением, и ее главной особенностью было то, что борцам, как правило, силы было не занимать. Она была главным аргументом в подобных схватках. Все же цивилизация серьезно разнообразила технику единоборств со времен древних Олимпийских игр, серьезно уменьшив решающее значение силы в поединках. И в отличие от соперника, Романов владел всем доступным для конца двадцатого столетия арсеналом приемов вольной борьбы и многими приемами из смежных видов. Главное было – не облажаться и не дать противнику провести схватку в привычной ему манере.

Все завершилось очень быстро. В первом же сходе. Романов рискнул и взял нурмана на «мельницу». Риск был в том, что он не знал вес противника и его арсенал умений. Однако помолодевший и постоянно тренируемый, пусть и не на ковре, находящийся в тонусе организм не подвел. Он справился. Для всех зрителей со стороны это выглядело как очень простое слитное движение: вот соперники сошлись, боец новгородского князя навис над вяземским, потом неожиданно оказался на плечах у того, а после уже оказался лежащим на земле. Вяземский же боец сидел у того на груди. Над новгородским войском установилась тишина – слишком быстрой и неожиданной оказалась победа над одним из лучших их бойцов. А вяземское войско, наоборот, встретило победу слитным ревом сотен глоток и грохотом оружия по щитам.

Выждав, пока ошеломленный соперник уяснит, что случилось, Романов встал и, нагнувшись, протянул ему руку. Тот не сразу, но принял ее, и Романов помог ему подняться.

Когда оба поединщика подошли к князьям, Фомичев стукнул Романова по плечу и похвалил:

– Молодец!

И, весело подмигнув Олегу, добавил:

– Исполнил княжью волю! И себя показал, и кровь не пролил. Молодец! И твой боец хорош! Нет, правда! Я посчитал бы удачей иметь в своем войске такого богатыря.

Олег вежливо улыбнулся в ответ. Нурман же, стоявший перед ним, радости не проявил.

Фомичев, заметив это, решил подправить ситуацию. Сделав знак Романову приблизиться, шепнул на ухо тому: «Дай свой меч! Потом командиру сотни скажешь, пусть выдают другой». И забрал протянутый ему цвайхандер. И тут же вручил его нурману со словами: «Прими в знак восхищения от князя Вяземского!»

Подарок был роскошным и неожиданным. На лице нурмана, рассматривающего лежащий в его руках меч, расплылась улыбка. Он повернулся к новгородскому войску лицом, поднял над собой подарок и радостно взревел. Войско ответило ему таким же ревом и стуком оружия по броне.

А Фомичев приблизил лицо к Романову.

– Насчет поощрения поговорим попозже. А сейчас иди!

После чего повернулся Олегу.

– Ну, что, князь! Вроде все правила соблюли – пора принимать решение. Люди ведь стоят.

И он обвел стоявших со всех сторон воинов – своих и новгородских.

Олег, выдержав паузу, ответил:

– Не за тем я сюда шел, но богам виднее. Позволь уж разобраться мне со своим войском. А завтра поутру, как договорились, готов встретиться с тобой в походном шатре. И уже не торопясь и в тишине обсудить наши дела.

– Можно и в шатре, – подтвердил согласие Фомичев. – А можно на моем теплоходе. Я на нем прибуду. Плавал на теплоходе?

И получив ожидаемый отрицательный ответ, добавил:

– Вот! Прокатимся, а заодно и поговорим. – И протянул руку на прощание. – До завтра, князь!

Глава 4

День этот для Олега закончился далеко за полночь. Сначала решали вопрос с теми, кого нужно было отправить обратно. Ожидаемо быстро разобрались с ополченцами. Страх перед летающими чудовищами на службе вяземского князя подавил желание разбогатеть за счет побежденных. Да и мало их осталось. Основная масса сразу же, как чудовища улетели, забыв про все, бросилась к лодьям и рванула на север так, что весла гнулись, а парус выгибался в другую сторону. Оставшиеся, может, по причине короткой памяти о своем сегодняшнем бегстве с поля боя, а, может, по причине необузданной жадности и хотели бы продолжить поход уже на Киев, но вынуждены были отказаться от своих намерений. Олег благоразумно предложил продолжить поход конунгам и хевдингам крупнейших дружин морских воинов. Таких набралось около тридцати сотен. И делиться будущим резко уменьшившимся хабаром они не желали, поэтому на тех, кого было решено оставить без доли в походе, их воины, стоя стеной за спинами вождей, смотрели исподлобья и положив руки на оружие. Закончив с этим, приступили к волоку драккаров в Днепр. Работные люди в преддверии битвы волок покинули, поэтому пришлось справляться своими силами. Новый лагерь, разбитый уменьшившимся новгородским войском уже на берегу Днепра, затих только под утро. А Олегу после всех этих дел пришлось еще задержаться. Дождавшись, когда он освободится, к нему подошла жена Рюрика. Сын его, княжич Игорь, давно спал, а она, встревоженная тем, что все пошло не по заранее оговоренному плану, терпеливо ждала, когда воины решат возникшие проблемы. Сил у Олега описывать происшедшее уже не было, он просто кратко пересказал суть, успокоил женщину, сообщив, что конечная цель похода осталась неизменной, и ее сын обязательно станет киевским князем.

Князь Сергей на своей диковинной лодье прибыл в полдень. Понятное дело, за ними приглядывали, и он был в курсе ситуации у непрошенных гостей. Поэтому железная и гудящая низким незнакомым гулом лодья подошла к берегу в тот момент, когда уже проснувшийся Олег собирался завтракать. Точнее, обедать. С носа лодьи на берег перебросили мостик, и по нему к шатру Олега сбежал отрок, передавший приглашение вяземского князя отобедать на борту «княжеского теплохода». Олег поднялся и, объяснив ситуацию несостоявшимся сотрапезникам, с сожалением оглядев еще нетронутые яства на столе, двинулся к княжеской лодье.

Князь Вяземский выразил уважение, встретив его у схода. А далее Олег забыл про голод. Князь Сергей показывал ему свою лодью. И первое, что поразило его, – это запахи. Лодья князя Вяземского не пахла просоленным и просмоленным деревом, пенькой канатов и льняной тканью паруса. Все без исключения запахи ему были незнакомы. И она была огромна. Это было понятно и снаружи, но обходя помещения внутри, поразило еще больше. Это действительно был дом на воде. И не просто дом, а общинный дом. Многое из того, что увидели его глаза, Олег не понял. Хотя Сергей и пытался ему объяснить. Но уяснил главное – чудес у князя Вяземского немерено. И это еще больше укрепило его в мысли, что вчера он все же сделал правильный выбор. Осмотр закончился на верхней палубе, где был накрыт роскошный стол. И только тут Олег вспомнил, что голоден. Устроившись за столом и аккуратно сдвинув с князем Вяземским мелодично звякнувшие прозрачные кубки и утолив первый голод, Олег согласился на предложение Сергея «пройтись на теплоходе вверх по Днепру за Смоленск».

Длинная лента хищных, узнаваемых всеми кораблей стремительно неслась вниз по Днепру. Равномерно били по воде весла, столь же равномерно сгибались и разгибались фигурки гребцов. Паруса не ставили – извилистое русло реки и заросшие вековым лесом берега не давали возможности полностью воспользоваться ими. Да и так, даже не напрягаясь на веслах, с учетом скорости течения реки, драккары почти неслись к цели похода.

Олег отвел от глаз подаренный ему вяземским князем этот удивительный предмет под названием «бинокль». Все это время после того, как оставшаяся часть войска покинула берег Днепра близ Смоленска, Олег перебирал в памяти эти насыщенные яркими событиями дни, так резко изменившие его жизнь. Отстраивающийся Смоленск поразил его масштабами строительства и кипучей энергией, бившейся в нем. Олег просто чувствовал ее. Она была похожа на ту энергию, которая жила в строящемся Новгороде. Но здесь все было масштабней. И сразу строилось на вырост. Громадный каменный кремль явно был не по размеру городу. Весь город с его обычными деревоземляными стенами помещался в сердце строящейся крепости. Но по всему было видно, что это ПОКА не помещался. Между старыми и новыми стенами как грибы росли новые улицы, ровные и прямые. И в этих прямых линиях чувствовалась воля хозяина города, столь же прямая и твердая, как меч. Высокие каменные стены и мощные башни росли на склонах небольшой речушки Рачевки, впадавшей в Днепр, и огромного оврага, выходящего к реке, на западной окраине города. Стена, прикрывавшая город от реки, стояла так близко от берега, что сразу же лишала потенциальных врагов возможности высадиться без потерь. И только южная сторона крепости не была прикрыта естественными препятствиями. Поэтому там копался серьезный ров, который в будущем должен был быть заполнен водой. Кремль был огромен! Прикинув длину стен и количество башен, Олег пришел к выводу, что его гарнизон мог быть равен приблизительно его войску. Однако мощь и защищенность укреплений позволяли успешно оборонять его и гораздо меньшими силами. А после того как он поинтересовался устройством воротных башен и самих ворот, Олег понял, что кроме как штурмовать снаружи башни и стены, вариантов нет. Оценив это, Олег сделал себе зарубку в памяти, решив сделать так же и в Киеве. Ну, хотя бы повторить часть из того, что он увидел. Потому как вряд ли все увиденное будет ему по карману. В этом вопросе он иллюзий не испытывал.

На прощание и в знак уважения князь Вяземский, кроме бинокля, подарил ему полный комплект латного доспеха. И хотя внешне он был точно такой же, как и его, однако, надев его, Олег понял, что слухи не врут – действительно, для своих воинов вяземские кузнецы делают доспехи лучше. При той же крепости этого доспеха, железо на нем было тоньше и легче. Причем ощутимо легче. А еще Олегу оставили и карту. На карте рядом с названиями городов и рек, написанными буквами Вяземского княжества, были сделаны надписи и знакомыми Олегу резами. И сейчас, иногда отвлекаясь от размышлений, Олег принимался осматривать в «бинокль» их караван, берега и проплывающие мимо деревни. Или же рассматривал детали карты с еще незнакомыми ему местами. Он уже выбросил из головы эпизод с неудавшимся сражением – случилось то, что по воле богов должно было случиться. Нет нужды тратить время на переживания из-за неудачи. Хотя прав князь Сергей – смотря что считать неудачей. Сейчас нужно было думать, какую максимальную пользу он мог получить от союза с князем вяземским. Но сначала нужно было сделать главное – взять Киев. Обо всем этом он думал постоянно. Даже тогда, когда, желая размяться, садился на лавку гребца, принимая отполированное древко из натруженных рук одного из своих товарищей. Впрочем, именно за греблей, монотонной и равномерной, когда тело работало отдельно и самостоятельно от головы, думалось лучше всего.

Олег прикидывал так и так выгоды союза, сравнивал с предположениями, а что было бы, если бы...

И ловил себя на мысли, что не уверен в том, что смог бы сделать то, что сделал князь Сергей. Вообще, с князем Вяземским все было непросто. Чуйка Олега, которой он всегда доверял, и которая его еще не подводила, почему-то в присутствии Сергея молчала, как бы давая понять, что опасности от этого человека ожидать не стоит. Более того, глядя в глаза фактически своего ровесника, он как будто заглядывал в глаза своего конунга – матерого, опытного, повидавшего жизнь и прошедшего десятки боев Рюрика. В его присутствии Олег сразу из равного по положению почему-то инстинктивно и неожиданно для себя превращался в младшего. А такого

быть не могло. По крайней мере, собственные глаза не подтверждали этого. Хотя учитывая странную внезапность появления и князя Вяземского, и самого княжества, как будто свалившихся с неба, ничего исключать было нельзя. И дела его были для Олега странны. Например, он не собирал дань с живших на его земле людей; платил монетой за добытые шкуры, мясо и рыбу; крестьяне ПРОДАВАЛИ князю хлеб и вообще все, выращиваемое ИМИ на ЕГО земле. И он за все платил. В итоге со всех соседних земель словеней, кривичей, вятичей, дреговичей, радимичей в его княжество стекался люд, чтобы получить землю и работать на себя, получив защиту, а если понадобится, то и материальную помощь.

И это крайне раздражало наибольших людей во всех окружающих землях. В конечном счете поход его снаряжался в том числе и на деньги наиболее возмущенных таким положением совсем не бедных людей словенской земли. И перечисленное было не все, что раздражало соседей. Главное – богатства, просто лившиеся потоками в сундуки новоявленного князя. Понимал ли это Сергей? Безусловно, понимал. Не мог не понимать. Поэтому и вкладывался и в войско, и в вооружение, и в стены своих городов. И всегда был на шаг впереди своих соперников. Которые, зная о его молодости и считая это недостатком, раз за разом убеждались в том, что он умнее и мудрее их. Олег, плотно пообщавшись с князем Вяземским три дня, не мог с уверенностью сказать, что смог узнать и понять его. Хотя именно это умение было одной из его сильных сторон. И он знал это и волхвы ему говорили то же самое. И через это он мог достаточно уверенно предполагать намерения оппонента. Но вот в случае с Сергеем Олег понял лишь одно – тот ему позволил узнать и понять ровно столько, сколько посчитал нужным. Он остался для Олега закрытым.

Все это крайне беспокоило Олега, и по этой причине он практически не спал все первые две ночи с того памятного дня, как на берегу озера встали друг против друга две великие рати. Мучило его это несоответствие молодости, мудрости и неизвестности. Пока, наконец, он не решил для себя, что все в воле богов. И если они свели их вместе, не дали пролить кровь друг друга, значит Небу это так и нужно. И вот после этой мысли он спокойно заснул. И тем не менее мысли о произошедшем не оставляли его.

В Киеве их ждали. Ворота были закрыты, а на стенах виднелись, кроме обычной стражи, одоспешенные ратники. Видимо, кто-то из купцов принес весть о несостоявшемся сражении и дальнейших планах новгородского войска идти на Киев. Город стоял на высоком правом берегу Днепра, и с точки зрения того же Олега, ранее не видевшего смоленский кремль, городские укрепления внушали уважение. Высокие стены, добротные, рубленные из вековых дубов башни, стоявшие на холмах, обещали большие проблемы всем позарившимся на имущество киевлян. Но после смоленского кремля Олег смотрел на киевскую твердыню без особого пиетета. Тем не менее с наскака проблему было не решить. Выгрузившись с кораблей в виду города, варяги и нурманы разбили лагерь, и Олег созвал в свой шатер конунгов и хевдингов для выработки общего решения. В ходе недолгого обсуждения определилось два мнения. Меньшинство ратовало за штурм города через день. Сегодняшний день, по общему мнению, был уже потерян. Поэтому распределили, кто и против каких ворот встанет лагерем, обеспечив окружение города. Завтрашний день отводился на подготовку и разведку – следовало выяснить, какие ворота предпочтительнее штурмовать. Все это нужно было выполнить в любом случае, и по этим мероприятиям возражений не было. Большинство же считало, что штурм – это крайний вариант, хотя и уже многократно отработанный, к которому придется прибегнуть, если не удастся решить вопрос по-иному. Вот тут мнений было много, но все решилось само собой. Разведка, отправленная вниз по Днепру от Киева, привела в шатер купца, возвращавшегося из Царьграда и не знавшего об осадивших город новгородцах.

Отпустив всех присутствующих к своим дружинам и хирдам, Олег внимательно присмотрелся к купцу, стоявшему поодаль. Простоволосый, уже в возрасте, но еще крепкий мужчина, в руках которого наверняка вполне естественно бы смотрелось оружие, но сейчас одетый в

простую беленую рубаху без пояса, портки и кожаные сапоги. Открытое лицо, обрамленное светлыми волосами и бородой, и глаза оттенка стали, смотревшие на Олега прямо и с некоторым вызовом. Такой купец и за свое биться будет до смерти, и при случае чужое взять рискнет. На волю богов положится. Похоже, взяли его практически без борьбы. И совсем не потому, что испугался. Просто ничего не успел сделать.

«Расслабился гость! – усмехнулся про себя Олег. – Уже почти до дому дошел. А тут такая неожиданность».

– Вижу, не боишься, – прервал паузу Олег. – Это хорошо. Как раз такой человек мне и нужен. В общем, выбор простой – либо ты жив и мошна твоя полна, либо голова с плеч и твоя мошна наша.

Олег замолчал, пытливо всматриваясь в лицо полонника. Тот взгляда не отвел.

– Тебе нужно попасть в Киев и передать своим товарищам, что не позднее третьего дня ворота в город должны открыться. В этом случае мы город не сжигаем и не грабим. Отступные, естественно, город нам дает. Но имущество ваше и жизни мы не трогаем. В противном случае – город возьмем приступом, и все ваше станет нашим. Что при этом будет с жителями, ты представляешь, – огласил задачу Олег и уточнил: – Твою семью вырежем до последнего человека.

Он снова замолчал. Гость все так же прямо смотрел на него, не отводя взгляда. Только скулы заострились и губы сжались в узкую полоску.

Олег продолжил:

– Это плохой вариант. Хороший – если уговоришь верхушку города открыть ворота, то кроме того, что я сказал, обещаю тебе следующее. Будешь гостем подо мной. И первое, что получишь – гривну от меня с правом на беспошлинную торговлю с Вяземским княжеством. С князем Вяземским у меня договоренность на этот счет имеется. Более того, мы с ним на паях будем строить каналы между Десной и Угрой, Днепром и Сожью под Смоленском. Там тоже ты сможешь ходить без пошлины. Ты понял меня?

Гость все так же молча кивнул.

– Сейчас иди к своим. Время до ночи у тебя есть. Как стемнеет, тебя отведут к городской стене в место, куда укажешь. Дальше – сам.

Два дня прошли в подготовке к штурму. Воины ладили лестницы, подготовили пару таранов. К этому моменту посад был уже полностью вычищен от всего мало-мальски ценного.

В начале третьей, последней по договоренности ночи, ближайшие к шатру Олега ворота открылись. Почти одновременно с ними открылись и ворота, выходящие на закат солнца. И если первые просто отворились, открыв безжизненную улицу города, то со вторых вырвалась конная дружина Дира. Обогнув успевших построиться для боя нурманов, конница растворилась в темноте наступающей ночи. Коней у осаждавших не было, потому в погоню никто не кинулся. Да и не собирался. Все поняли, что воин Рюрика Аскольд Дир, самоназвавшийся князем и владевший Киевом, решил не испытывать судьбу и бежал с верными ему людьми и казной. Мешать ему Олег не стал. Город в любом случае отступные заплатит.

Олег решил войти в город с рассветом. К этому моменту уважаемые люди Киева должны были перед княжеским детинцем выставить отступные, и там же Олег собирался расплатиться с конунгами и хевдингами, пришедшими с ним. С этого момента договор с ними считался исполненным и каждый из них выбирал дальнейший путь самостоятельно.

Кто-то, Олег это знал, уже решил идти с хирдом в Царьград на службу к кесарю. Кто-то возвращался на берега Варяжского моря, были и те, кто решил наняться к князю Вяземскому и осесть на землях кривичей. С Олегом оставалась его дружина и еще пара небольших хирдов, которые теперь составляли княжеское войско.

Олег, войдя в горницу детинца, огляделся. В горнице царил полумрак и беспорядок – стоявшие вдоль стен лавки большей частью были опрокинуты. В полосах света, проникающего через маленькие оконца, вилась пыль. Он отметил про себя, что оконца делались под бычьи пузыри, но последний хозяин не поскупился и вставил стекла вяземских ремесленников. Везде были следы поспешного бегства хозяев, хотя ничего ценного оставлено не было. В столешнице стоявшего поодаль огромного дубового стола торчала одноручная секира. Подойдя, Олег выдернул ее и внимательно осмотрел. Секира была простой незатейливой работы и особой ценности не представляла. Возможно, этой секирой бывший хозяин передавал знак Олегу, что это дело он так не оставит и будет искать возможности для мести. А возможно, от нее просто избавились, когда нужно было выбирать между чем-то ценным и ею.

Еще раз оглядевшись, Олег подумал, что обязательно воспользуется приглашением князя Сергея и посетит его замок в Вязьме. Он слышал о нем, но лучше самому увидеть. Наверняка это будет как минимум интересно.

Глава 5

Домой Сергей появился уже затемно. Сначала стандартная уже торжественная процедура встречи вернувшегося из похода войска. Потом тут же назначенное и проведенное совещание по итогам переговоров с Олегом. Потом просто рутина – вроде и недолго отсутствовал, но дел, требующих его внимания, уже поднакопилось. Это было объективно – княжество росло. И не только вширь, но в глубину и ввысь. Росли производственные цепочки на почве роста добычи нефти и металла. И вместе с этим росли проблемы, требующие решения.

Дети уже спали, и его встретили жены. Быстро умывшись и переодевшись в домашнее, обошел детские кровати. После чего, уже не торопясь, попил в столовой вечерний чай. К этому времени настоящий чай и кофе оставались привилегией его семьи и семей ближников. Остальные уже употребляли травяные настои. Учитывая, что среди тех, кто пришел с ним, было достаточно много бывших весьма своеобразных ученых и специалистов, многие к этому отнеслись благосклонно. Они и в той жизни предпочитали нетрадиционные привычки в плане питания.

Когда чай попили, Лиза отправила младших жен спать, а сама быстро сполоснула чашки и снова присела за стол. Сергей чувствовал, что она что-то хочет спросить.

Расслабленно откинувшись на своем стуле, он подтолкнул молчавшую супругу.

– Ну, давай, спрашивай. Или ты что-то хочешь мне сказать?

– Сергей, а как мы там... Даже не мы, а дети?

– Там – это где?

– Там – это в том мире, откуда мы пришли. И в который вернемся уже менее чем через тридцать лет. Они ведь родились и вырастут тут. А там... Они ничего почти не знают о том мире. А он жесток. И этот мир непрост, но тут мы за твоей спиной. А там они будут изгой. Представляешь, как продвинется та же электроника за эти тридцать лет? Вспомни, как отличался телефон конца восьмидесятых и смартфон через тридцать лет. И в остальном так же. А для них разница между мирами будет пропастью.

Сергей сменил позу, положив руки на столешницу. Помолчал.

– Я думал об этом. Знаешь, когда я все это задумал, мне это в голову не приходило. Одна мысль была – мне будет снова двадцать пять лет. Потом открылся проход, и все завертелось. Тут вообще уже не до размышлений было. Впервые мысли на эту тему меня посетили, когда ты сообщила, что беременна. И потом я возвращался несколько раз к этой теме. И вот к какому выводу я пришел. Первое – реальные знания. Мне кажется, с этим у нас все нормально. Занятия в школе ведут кандидаты и доктора наук, учебной базой они обеспечены. Думаю, на тридцать лет ее хватит.

Второе – будет ли соответствовать объем знаний, что получают наши дети, требованиям системы образования того времени? Вот это сложный вопрос. И ответ мы на него узнаем только тогда, когда переход откроется. Но! Я уверен, что деньги, а в нашем случае золото, будут серьезным подспорьем в получении дипломов. Ты, вообще, в курсе, что я кандидат наук?

– Нет. Ты никогда не говорил. – Лиза была крайне удивлена.

– А говорить не о чем было. В конце девяностых от нечего делать защитил кандидатскую. Ты не поверишь – я даже не помню ее тему, единственное, что запомнил – что-то в области права.

Сергей захохотал.

– Тише ты! – одернула его Лиза. – Детей разбудишь!

Сергей прикрыл рот, тихонько похрюкивая.

– В области права! Я только с темы рэкета соскочил. Еле-еле от статьи отмазался. Уже в СИЗО заезжать готовился. И вот после всего этого дал адвокату денег, он мне и устроил кандидатскую степень. Не скрою, недешево она мне стоила. Но прикольно!

И уже успокоившись, подытожил:

– В общем, это решаемый вопрос и не самый сложный. Что касается техники и технологий, то и мы не совсем пропащие. Они застанут еще работающие телевизоры, компьютеры, машины и так далее. Я сомневаюсь, что за эти тридцать лет наша цивилизация освоит межзвездные перелеты. Да! Техника наверняка изменится, но вряд ли кардинально.

Помолчали. После паузы Лиза снова поинтересовалась:

– А ты... как? Там останешься или?..

Сергей ответил сразу. Чувствовалось, что этот вопрос он для себя уже решил.

– Или! Знаешь, мне здесь нравится. Даже те неудобства, которые несет с собой это время, я готов потерпеть ради свободы, которую я тут ощущаю. Более того, мне интересно. Я никогда так интересно не жил.

– А дети?

– Ну! Им уже под тридцатник будет. Взрослые будут даже по понятиям того мира. А уж здесь – тем более. Сами пусть решают. Если останутся там – золото я им дам.

И, помолчав в свою очередь, спросил Лизу:

– А ты?

– Не знаю, – вздохнув, ответила та. – Пока не могу представить ее взрослой. Она такая маленькая!

На следующий день состоялось важное совещание, основными вопросами на котором были вопросы топливно-энергетического комплекса. В связи с началом нефтедобычи в Поволжье остро встал вопрос доставки нефтепродуктов в Вязьму, как основному месту их потребления. Возможностей имеющегося речного флота, выполняющего грузоперевозки, явно не хватало для компенсации расходов ГСМ. После оживленного обсуждения было принято решение о строительстве парусно-гребных судов и сдаче их в аренду артелям, нанятым для перевозки этой продукции. По расчетам такая посудина могла совершить за сезон до трех рейсов по маршруту «Вязьма – Губкин – Вязьма» и суммарно доставить до 100 кубометров продукции нефтеперерабатывающего завода. Княжество за работу платило исправно и хорошо, поэтому проблем с набором гребцов на сезон не предвиделось. С учетом тоннажа имеющихся нефтеналивных барж, суммарный завоз за сезон должен был составлять порядка 10 тысяч кубометров нефтепродуктов. К тому же появившийся в ассортименте топлива топочный мазут позволял перевести паровые машины с дров на него, повысив мощность машин и удобство обслуживания. На мазут так же планировалось перевести и котельные замка, и других общественных зданий и заводов.

Кроме этого, после завершения в этом году строительства двух ниток канала «Днепр – Западная Двина», планировалось возобновление строительства шлюзовой системы «Десна – Угра» и начала строительства канала «Сож – Днепр». Цемент, кроме строительства каналов, планировалось поставлять в первую очередь в Смоленск, для завершения строительства крепости, и частично в Муром. Там пока начали возведение башен.

Этим летом княжество не планировало ежегодный поход на Хамлидж. Как говорил Фомичев, «пусть нагуляют жирок». Хотя это выражение не отражало цели прошлых походов, зато полностью соответствовало будущим задачам. По информации купцов, хазары заканчивали строительство городской стены на торговой стороне города, но это уже было неважно. Обсуждалась возможность похода на черных булгар – будущих казанских татар, но пришли к выводу о бессмысленности вылавливания кочевников в степях Поволжья. Решено было, что так или иначе они сами выйдут и в район Губкина, и в район Орла. И там уже на месте будет

решаться вопрос, как с ними разойдутся – миром или войной. Но эти все вопросы не были глобально значимыми для княжества, как, например, отношения с Олегом Вещим. Но, к счастью, с ним все разрешилось в приемлемом ключе, поэтому руководство княжества сейчас было занято решением исключительно хозяйственных и производственных вопросов.

Глава 6

Асланбек степенно пил чай, поданный ему младшей женой. За стенами его шатра шумело привычными звуками кочевье. Полуденное солнце, не такое горячее, как в его родных предгорьях Кавказа, тем не менее загнало всех людей в тень шатров. Огромное стадо, состоявшее из лошадей и коров, пряталось от нещадного солнца и беспощадных оводней в тени глубокой балки, по дну которой протекал небольшой ручеек с чистой и холодной водой. И лишь дозорные, расположившись на холмах вокруг кочевья, вооруженные биноклями, продолжали нести службу, бдительно охраняя покой лагеря. Раньше бы можно было сказать «орды», но княжеские люди из города почему-то не любили это слово и заменяли его на «войско», а расположение войска в поле называлось «лагерем». Асланбек это знал. Спорить с этим смысла не имело, тем более что с прошлого года подчиненная ему орда действительно уже мало была похожа на обычную орду. За прошлую осень и зиму неподалеку от города был построен поселок, в котором весной, с выходом стада в кочевье, остались женщины, дети и старики. В кочевье ушли все воины. Асланбек разрешил им взять по одной жене. Сам, заимев за этот год трех жен, взял с собой младшую. Обе старшие были на сносях. В его бывшей сотне многие имели по несколько жен. После катастрофического поражения орды слишком много женщин осталось без мужей. Ранее ни одна орда такого позволить себе не могла – оставить стариков, женщин и детей без защиты. Это значило бы обречь их на неминуемую смерть.

Возможно, поэтому урусы и называли их войском, потому что сейчас они именно им и были. А поселок остался под охраной городского гарнизона. И если бы не стадо, то можно было сказать, что они в походе. Ведь даже имеющиеся женщины, вооруженные легкими луками, могли при необходимости встать с ними в один строй. На сегодняшний день, с учетом, что за зиму подросли и стали воинами прошлогодние юноши, под рукой Асланбека имелась без малого тысяча воинов. Правда, вместе с женщинами, пошедшими в кочевье. Зато всю прошлую осень и эту зиму воины его сотни нещадно гоняли бывших кочевников на занятиях по боевой подготовке, поднимая их уровень до приемлемого соответствию требованиям княжеской легкой конницы.

За зиму все получили стандартную броню и вооружение, состоявшее из бриганты с наручами, поножами и закрытым шлемом, тяжелой сабли, круглого стального щита, в походном положении закрывавшего спину всадника, и прекрасного сложносоставного лука. К которому шло по пять тулов с четвертью тысячи отличных стрел. Кроме этого, в запасе войска было еще сто тысяч стрел. С таким войском и количеством припасов Асланбек мог уверенно претендовать на место хана своего народа.

А ведь еще у него под рукой было огромное стадо в несколько тысяч лошадиных голов и столько же коровых. В зиму к нему свезли почти всех коров с княжеских пастбищ. Именно он стал главным поставщиком мяса по повелению князя. Правда, конину в княжестве не жаловали и от него требовали уменьшить конское поголовье в пользу коровьего. Коровы были менее подвижны и зимой им нужны были крытые загоны и сено. Но это ему обеспечили. Поэтому этим летом Асланбек собирался найти покупателей на лишних лошадей. Раньше сама эта мысль была противоестественна любому воину степи, однако это была воля князя.

Осенью, когда они вернулись из кочевья, к нему приехал сам княжий конюх с помощниками. Он осмотрел конское поголовье и отобрал десятка три лучших кобыл для спаривания с племенными жеребцами. Асланбек уже сталкивался с ним и его людьми. Знал, что все степняки, работавшие с ним, за глаза называли его шаманом – настолько он был хорош в своем деле. Поэтому не удивился, что тот выбрал действительно лучших. Забирая кобыл, конюх похвалил состояние табуна и пообещал Асланбеку весной прислать десяток «буденовцев». Десяток для тысячи было каплей в море, но Асланбек и не собирался делиться со всеми. Этот десяток он

отдал лучшим воинам из своей сотни. Ничего! Пройдет несколько лет и у всех воинов будут такие кони – сильные, рослые и выносливые.

За стенами шатра раздался узнаваемый голос Клыча, переговаривающегося с охраной. Старым прозвищем «Клыч» старика звали за глаза, но в лицо улыбались, уважительно кланялись и называли Дашгыном или юз-баши. Старик за этот год приобрел важный вид и солидность, соответствующую помощнику хана. Асланбек понимал, что сам он немного не дотягивает и до мин-баши, но князь сказал «хан» – значит, хан. Кто он такой, чтобы оспаривать слово господина? Тем более ему самому нравилось, когда к нему обращались как к хану.

Асланбек понял, что обед закончился. Его ближник, доставшийся вместе с ордой, старлся зря его не беспокоить, понимая, что особой любовью он у хана не пользуется. И сейчас могла быть только одна причина, по которой Клыч появился у шатра хана в обед.

Ковер, закрывающий вход, откинулся и в шатер вместе жарким степным воздухом вошел помощник. Поклонившись, он кинул взгляд в направлении жены хана. Тот понял и кивком головы выпроводил женщину из шатра. Дождавшись, когда она выйдет, он глазами указал юз-баши место напротив себя.

– Пришли?! – утверждающе спросил он у старика.

Тот, кряхтя, устроился на ковре и молча кивнул.

– Кумыс? – проявил уважение Асланбек, отложив разговор и предоставив собеседнику право самому обслужить себя.

Выпив чашку кумыса и вытерев пот со лба, Дышган приступил к докладу.

– Вернулся дальний дозор. На земли нашего рода вошло кочевье другого колена.

– Договориться удастся? – для проформы поинтересовался Асланбек, в душе надеясь на отрицательный ответ.

– Нет. Это род, который враждовал с нами. На Большом Кругу наши воины часто проливали кровь друг друга. И только власть верховного хана не позволяла пролиться большой крови.

– Насколько большая орда?

– По словам дозорных – до тридцати сотен воинов.

Это значительно осложняло ситуацию. Но отступать и просить помощи у князя Асланбек не хотел.

– Надо думать! Сколько им идти до нас?

– Пять дней.

– Тогда сейчас снимаемся и уходим на север, отклоняясь от пути, по которому сюда пришли, на закат. Станем на ночевку – собирай сотников.

За остаток дня прошли немного. Коровы с телятами – это не лошади. Остановились в распадке с протекавшим ручьем, обеспечив водопой. Как только был поставлен ханский шатер, все собрались в нем. Дождавшись, когда женщины разложат мясо, расставят кувшины с кумысом и уйдут, совместили совет с ужином. Результатом совета стало то, что с рассветом кочевье двинулось в том же направлении, и вместе с ним ушли женщины и самые юные воины. Одновременно в сторону города, ведя в поводках по две подменные лошади, поскакала пара гонцов. Город нужно было предупредить в любом случае.

С ханом осталось шесть сотен воинов. Постояв и посмотрев вслед уходящему кочевью, Асланбек махнул рукой и, повернув коня, тронулся в противоположную сторону. За ним двинулись и остальные, постепенно сбиваясь в сотни. С каждым воином шло по три подменных коня. Войско навстречу врагу шло шагом, сберегая конские силы. Именно от них зависела победа над многочисленным врагом.

Через три дня неторопливого движения с продолжительными ночевками, его разъезд впервые столкнулся с разведкой противника. Учитывая, что люди Асланбека этой встречи ожидали, а пришлые нет, результат первой стычки был предсказуем. Захваченный раненый «язык»

показал, что хан их орды, оценив повстречавшиеся на пути следы, решил преумножить богатство рода. Зная, что род, кочевавший здесь, на Большой Круг не прибыл, хан еще зимой решил захватить эти кочевья. Следы же указали, что род – владелец кочевий, еще жив, но, не прибыв на Большой Круг и не выплатив ясак Верховному хану, фактически стал вне закона. И этим следовало воспользоваться. Обилие коровьего помета подсказало, что жертва от преследования уйти не сможет. Поэтому орда сократила время ночевки и ускорила движение по оставленным следам. Пленный подтвердил, что в орде с учетом юношей, ставших воинами в этом году, почти тридцать сотен.

После допроса пленному была подарена быстрая смерть, и сотни разъехались по степи по разным направлениям, согласно принятому плану.

На следующий день орда, вошедшая на земли чужого кочевья, не смогла сдвинуться с места ночевки. Прямо с утра по всей степи, окружавшей кочевье, были уничтожены разъезды. Практически все воины атакованных разъездов были убиты из засад. Спаслось лишь несколько воинов, со слов которых хан так и не смог понять, кто их атаковал. Те, кто сумел уцелеть и сбежать из скоротечных схваток на близком расстоянии, утверждали, что это люди рода, на чью землю они пришли. Но в непривычной, очень хорошей и ценной, и главное, одинаковой броне. Какой у них не могло быть по определению. И судя по потерям, вооружены эти воины были очень хорошими луками. Самых луков никто, естественно, не видел, а вот стрелы хана впечатлили. Он даже не подозревал, что можно их сделать настолько одинаковыми. Но главным была дальность стрельбы, значительно превосходившая привычные луки. Против десятка разъездов орды каждый раз выступало от трех до пяти десятков этих безвестных врагов.

На ночь орда выставила усиленное охранение. Спать которому не пришлось. Всю ночь рядом с кочевьем появлялись, обстреливали издали и исчезали вражеские всадники. Утром орда, оставив треть на охране кочевья, двинулась по следам врагов, выбрав самые многочисленные. Следы уходили на север, петляя, периодически разбегаясь и сходясь снова. Иногда сливаясь со следами ранее прошедшего здесь стада. Но опытные следопыты снова находили их и продолжали идти по следу.

А потом их догнал гонец. Враги атаковали оставленное кочевье. По словам гонца, врагов было в два раза меньше, однако они не побоялись вступить в бой. И начали его, забросав защитников кочевья тучами стрел на немыслимом расстоянии и поражая в основном лошадей. При попытке сблизиться нападавшие обратились в бегство. Впрочем, не прекращая обстрела погони. Догнать их не удалось. Меняя заводных коней, они оторвались от погони. Нанести урон их коням не удавалось по причине недостаточной дальности стрельбы погони из луков. Поэтому погоня вынуждена была вернуться к кочевью. Нападавшие снова обстреляли кочевье, и история повторилась несколько раз. Когда количество защитников из-за ранений сократилось до пяти сотен, защитников сначала привычно обстреляли, но в очередной раз к бегству не прибегли. Наоборот, стрельба велась примерно до середины перестрела обычного лука. Причем каждый воин успел выпустить до пяти стрел, после чего они ударили в сабли. Оказалось, что у нападавших острые и тяжелые сабли, разрубавшие воина в кожаном доспехе чуть не до пояса; прочный стальной доспех, державший удар, и умение биться как в строю, так и вне строя.

В конце рассказа гонец пал на колени и сказал, что кочевье захвачено врагом. У хана потемнело в глазах. На ощупь он вытащил саблю и не глядя ударил ею гонца. Удар не получился, он это понял по крикам тяжелораненого, но ему было все равно. Гонца добила телохранители. Непослушными губами он отдал приказ возвращаться к кочевью.

Пока орда в молчании неслась к кочевью, перед глазами каждого воина вставали картины убитых и порубленных детей, растерзанных жен и дочерей. Таков был обычай их войн. И каково было их удивление, когда кочевье их встретило дымом очагов, шумом табуна и плачем сотен женщин над телами убитых воинов. И ни одного убитого ребенка или женщины!

Это было невероятно! Воины спускались с коней, падали на колени и возносили благодарности всем известным богам за спасение близких.

Раненые, оставшиеся в живых, рассказали, что враги в жестокой схватке победили их, добились тяжелораненых, взяли несколько десятков пленных, но не стали добивать легкораненых и не тронули женщин и детей. Их хан лично объехал и осмотрел кочевье, после чего враги, забрав свободных лошадей, ушли на север.

– Кто это? Вы их узнали?

– Да. Это утигуры, но хан у них другой. Не нашего народа. Их шесть сотен.

Говоривший воин помолчал, а потом добавил:

– Их хан сказал, что это их земля. И все пришедшие без его разрешения или разрешения князя, которому он служит, будут убиты. Он сказал, что ты, хан, пока можешь уйти и увести свой род. Но стадо ты должен оставить. Это теперь его стадо.

Хана охватило бешенство. За сегодня на глазах всей орды его унизили три раза подряд! Первый раз – обманув его, разобив войско и разгромив его часть. Второй – не тронув кочевье, уже заранее посчитав его своим. И третий раз, предложив стать трусом и потерять честь.

Говоривший отшатнулся, увидев, как залило бешенством глаза хана, и он судорожно схватился за черен сабли. Однако сотники перехватили ханские руки, и его ближний сказал:

– Не надо, хан! Нам теперь каждый воин нужен. Не враг он тебе.

Успокоившись, хан распорядился оставить тысячу в кочевье, а другой, сменив коней, идти с ним по следу врагов.

След, отойдя от кочевья на север, снова начал делиться и петлять. Помня о произошедшем сегодня утром, хан не решился отходить от кочевья далеко. Как выяснилось, враг даже меньшим количеством за счет обмана способен побеждать. Поэтому в кочевье вернулись задолго до темноты. Распорядившись выставить усиленную сторожу, хан удалился в свой шатер.

Утром все повторилось вновь. Ночные дозоры все были атакованы. И хотя враг не решился вступать в схватки с ними, потери у них были. Утром хан, выйдя из шатра, увидел в отдалении, за пределами дальности луков, ровную шеренгу врагов. Воины орды встретили хана в седлах, готовые к бою. Хан понимал, что произойдет далее, но не мог поступить иначе. Вскочив в седло, он вынул из ножен богато украшенную саблю, доставшуюся ему от предков, и, вытянув ее в сторону врагов, издал боевой клич. Воины поддержали его, и конная лава начала разбег. Враги успели выпустить по четыре стрелы каждый, прежде чем повернули коней и бросились в бегство. Четыре раза на орду пролился дождь тяжелых стрел, выбивая из войска воинов и коней.

А далее началась гонка по степи. И догоняющие и убегающие стали вытягиваться в колонну. Причем воины хана на лучших конях стали догонять худших коней врага и между ними завязалась активная перестрелка. Попадали главным образом в коней приблизительно с одинаковым результатом. Иногда воины обеих сторон успевали сменить раненого коня. Иногда нет. Упавших врагов арканили те, кто скакал сзади, чтобы догоняющие не теряли темп. Хан мчался во главе погони, окруженный десятком телохранителей. Это было понятно – у него и его охраны были лучшие кони. Однако охрана рела. Несколько воинов, потеряв боевых коней, успели пересест на заводных, но те не выдержали темпа погони и отстали. Несколько были ранены и не смогли продолжить погоню.

Хан, в третий раз сменив коня, вырвался вперед. Спина пригнувшегося к холке врага маячила в сотне шагов впереди, и хан, закусив от нетерпения губу, посылал стрелу за стрелой, приподнимаясь на стременах. Убегающий враг периодически оглядывался, и тогда хан видел его скуластое желтое лицо с раскосыми глазами. Он был не утигур. Внезапно, что-то решив для себя, узкоглазый сменил посадку, развернувшись в седле лицом назад. Хан приподнялся на стременах, растягивая тетиву лука, и в этот момент почувствовал тупой удар в грудь. Он

опустился в седло и растерянно посмотрел на оперение стрелы, торчавшей из его груди. Конь, почувствовав, что хозяин перестал его подгонять, начал замедлять бег. Секундами позже хана догнали отставшие на несколько шагов нукеры. Увидев произошедшее, они с двух сторон поддерживали терявшего силы хана, замедляя бег коней и поворачивая их назад. Погоня закончилась.

Асланбек, скакавший в середине растянувшихся сотен, узнал об этом минутой позже. Колонна его сотен замедляла бег, воины меняли коней, давая отдых наиболее уставшим. Асланбек свернул влево и, поднявшись на пригорок, приткнулся к биноклю. Картинка прыгнула к нему. Он ясно видел, как вражеские воины сняли с коня человека со стрелой в груди. Глядя, как бережно и осторожно они его снимают, понял, что кто-то из его воинов ранил хана орды. И судя по длине стрелы до оперения, рана была сквозная.

«Не жалец!» – решил про себя Асланбек. И облегченно вздохнул. Дело сделано – он победил! Хотя еще сегодня утром все висело на волоске. Да, его воины блестяще выполняли принятый план. Да, потеряв с десятков бойцов и несколько десятков лошадей, он уничтожил треть орды. Но его люди были измотаны бессонными ночами, непрерывными схватками, набегам, погонями не меньше противника. И что хуже всего, начали не выдерживать кони. Они не успевали отдыхать, хотя каждый воин имел по три заводных коня, кроме боевого. И не устроил сегодня хан орды этой безумной гонки, через несколько дней Асланбеку пришлось бы смириться и выводить орду на засаду, которую готовил гарнизон города. Результат такой засады они все видели год назад. Но Асланбек снова бы остался на вторых ролях. Но сегодня удача была на его стороне. Он подал команду, и его сотни двинулись к самой дальней стоянке. Каждая своим путем. Раненому зверю нельзя давать шанса на месть.

Утром следующего дня орда готовилась проводить к предкам умершего ночью хана. Собрали дерево, в основном из старых кибиток, для погребального костра, подготовили мясо для тризны и на вечерней заре проводили хана к предкам. В этот день орду никто не тревожил. На следующее утро состоялся круг, состоявший из тысячников, сотников, старейших и знатных воинов и, само собой, из потомков и родственников хана. Решался вопрос, кто возглавит орду в столь непростой момент. И за этим вопросом маячил другой – что делать? Часть присутствующих стояла за продолжение похода, аргументируя необходимостью мести, доказывая, что противник, не обладая численным преимуществом, долго так воевать не сможет и потерпит поражение. А далее они найдут их кочевье, следы которого все видели и знают, что это богатое кочевье, и их род станет богаче, завоевав славу удачливого рода. Другие требовали прекратить поход и вернуться на свои земли – смерть хана – плохой знак. Боги предупреждают, что может быть еще хуже. В итоге, после жарких споров и нескольких поединков, ханом был избран старший сын погибшего хана. Единственным аргументом в пользу его избрания было старшинство в очереди. Все остальные кандидаты неминуемо вызвали бы раскол орды и кровопролитие. Юноша был смел, но полководческими талантами и умом вообще не блистал. Что устраивало тех, кто стоял подле него. Новый хан под давлением большинства принял решение свернуть поход и вернуться на родовые земли. Еще одна ночь прошла спокойно, а утром орда снялась и двинулась на юго-запад. Вокругдвигающихся табунов шли сильные разъезды, прикрывая орду от врага, присутствие которого не было обнаружено, но была уверенность, что он обязательно появится. И он появился этой же ночью. Точнее в начинающихся сумерках, когда кочевье остановилось на ночевку.

Сотня, только встававшая на сторожу, была внезапно атакована, частью уничтожена, частью рассеяна ударом массы конницы из ближайшей балки. После этого, прорвавшись к кочевью, враги засыпали кочевье градом стрел. Пока воины организовались для отпора, коче-

вые было похоже на кипящий котел: раненые животные, ломая препятствия, сбивая и топча людей, разбегались по округе, и над всем этим стоял крик раненых лошадей и людей.

Браг снова, не принимая бой, взял жизни их воинов и ушел от погони. Уже в темноте пришлось собирать и сбивать табуны, разбираться с ранеными и убитыми. И продолжалось это далеко за полночь. А на рассвете их снова атаковали и снова разбили сторожевую сотню. И снова обстреляли кочевье. Итогом этой ночи стала потеря почти двух сотен воинов, женщин и детей убитыми, и в два раза более ранеными. Убитых, раненых и добытых лошадей не считали. Орда сдвинулась с места ближе к полудню. И так продолжалось три ночи подряд. В строю было уже менее тысячи воинов. Тех, кто мог сражаться. Точнее, подняться в седло. Воины, не спавшие уже трое суток, стали похожи на тени и держались в седлах только силой воли. Каждая стоянка кочевья отмечалась грудой тел убитых и прирезанных лошадей и большим курганом над погибшими людьми. Их не сжигали, сжигать уже было не на чем. В оставшихся пригодных кибитках везли раненых. И враг понял, что настал час торжества.

К вечеру четвертого дня орда монотонно шла по степи. Привычно скрипели колеса кибиток, всхрапывали лошади и все это покрывал равномерный стук копыт по сухой земле. Но уши молодого хана отсекали этот шум, ожидая топота скачущей лошади и тревоги, волнами расходящейся по орде, которую с собой нес этот звук. А его все не было. И это тревожило даже более, чем ожидание гонца вестью об очередном нападении. С утра день начался необычно – враг не напал на дозоры. И от этого все были в напряжении. Хмурые лица воинов, молчание женщин и детей.

Ожидаемый стук копыт скачущей лошади принес облегчение. Струна напряжения лопнула. И это отобразилось на лицах окружавших его воинов. Хан понял, что внутренне они уже готовы к смерти, лишь бы эта мука кончилась.

– Враги! Впереди! – громко прокричал гонец, и хан, толкнув пятками жеребца, послал его вперед.

Слева и справа потекли к голове орды ручейки воинов, собираясь в плотную массу. Выскочив в голову орды, хан увидел стоящий в отдалении вражеский строй. Впереди с белым флажком на поднятом копье стоял всадник в блестящих на солнце латах. Подобных лат молодому хану видеть еще не доводилось. Воин и его конь были полностью покрыты железом. Вражеский строй позади латника безмолвно замер. Все воины одеты в одинаковую и дорогую броню, вооружены одинаковым оружием и, как уже знал хан, были хорошо обучены биться в строю. Единицы имели следы ранений. Еще бы! В сабли они сошлись лишь раз, расстреливая его воинов с безопасного расстояния. И хотя их все еще было меньше, чем воинов в орде, все понимали – при желании их начальника через несколько дней ситуация станет противоположной.

Хан оглядел своих воинов, плотной массой стоявших позади него. Усталые, серые от бессонницы лица, большинство раненные стрелами, они в душе уже смирились с поражением. Поход, начатый его отцом и призванный обогатить их род, заканчивался совсем не так.

Асланбек тронул бока коня и подъехал ближе. Строй позади него не шелохнулся.

Сняв закрытый шлем, он оглядел степняков. Год назад, когда князь назначил его ханом этого рода, то вместе с должностью подарил полный латный доспех рыцаря. Асланбек надевал его лишь однажды и все это время доспех просто ездил с ним в сундуке. И вот неожиданно пригодился. Смотрелся в нем Асланбек просто сказочно. Полноценно сражаться в нем он не смог бы. Не приучен. Но сразиться на копьях вполне ему было по силам. Да и его боевому коню тоже.

– Я – Асланбек, – обратился он к стоявшим перед ним врагам. – Я хан рода, который всегда кочевал здесь. Прежний хан рода и часть его воинов погибли. Назначил меня новым ханом мой господин – князь Вяземский Сергей. И я, и воины позади меня – мы служим ему. В том мы клялись именем наших богов. Вы пришли на землю, которую мне поручено князем

охранять. Поэтому, забирая жизни ваших товарищей, мы были в своем праве. Вы это знаете. Мы можем убить вас всех, забрать ваш скот, женщин и детей. И это вы тоже знаете. Но мой князь считает правильным давать всем шанс выжить. Вот как дал им.

Асланбек повел рукой, указывая на стоявших позади него в строю воинов.

– Более пяти сотен утигуров теперь служат князю Вяземскому. Под моим началом. Их семьи сыты, в безопасности, и у них есть крыша над головой. Следы нашего стада и табунов вы тоже видели. Оно не меньше вашего. У вас может быть все так же. Мы не жаждем вашей крови, вашего скота. И даже женщин.

Позади Асланбека раздался приглушенный смех.

– Я предлагаю вам стать частью нашей рати. Обратите внимание – не частью рода, а частью рати. Род ваш продолжится. И ханом в нем будет тот, кого выберете вы. Но! Я назначен ханом этих земель князем, поэтому ваш хан будет подчиняться князю и мне. И князю вы принесете клятву верности перед богами. Понимаю, что для вас, настоящих воинов, признать это без битвы является бесчестьем. Поэтому предлагаю поединок между мной и вашим ханом. Если победа будет за мной – то вы выполняете мои условия, если нет – значит, быть сече.

Молодой хан, выслушав эту речь, помедлив, оглянулся. Воины смотрели на него. А вот ближники, наоборот, прятали глаза. Он усмехнулся и, выпрямившись в седле, с вызовом спросил латника:

– Как биться будем, хан?

Тот улыбнулся ему в ответ.

– Начнем, пожалуй, на конях. Копьями. А дальше, как боги рассудят.

После этих слов Асланбек повернул коня влево и двинулся вдоль строя. Молодой хан подождал, пока ему подадут его копье, и направился в противоположную сторону. Асланбек доехал до конца строя, развернул коня. Противник еще не доехал до места. Глядя ему вслед, Асланбек внезапно пожалел мальчишку. Неожиданно для себя тот стал ханом, потеряв отца. В момент, откровенно не лучший для рода. И сейчас выбора у него нет. Он должен либо умереть, либо... А победить шансов у него нет. Кожанный доспех с большой бронзовой круглой пластиной на груди никак не мог выдержать удар копья. Или? Асланбек усмехнулся и, окликнув верного нукера, сменил боевое копье на древко без наконечника. По рядам степняков, видевших это, пронесся шум перешептываний. Наконец молодой хан тоже развернул коня. Оба войска замерли в тишине. Слышно было только пение невидимой глазу птички в вышине, да шумел травами легкий ветерок. Асланбек надел и застегнул шлем, перехватил удобнее древко копья, толкнул коленями коня, и тот начал разбег.

Молодой хан сумел справиться с тяжелым копьем, и острие его ударило в круглый щит противника, но насладиться этим моментом он не успел. Жестокий удар вынес его из седла и вместе с телом выбил из легких воздух. Он не увидел, как острие его копья скользнуло по металлу щита (О, боги! У врага даже щиты из железа!) и ушло выше плеча латника. Он уже не видел, как летел по воздуху, как безвольной куклой тело катилось по земле и как застыло, лежа на спине и раскинув руки. Он не видел, как мимо него промчался конь соперника, и тот на ходу, удивительно ловко для полностью покрытого металлом человека, соскочил с коня и неторопливо подошел к его лежащему телу.

Асланбек подошел к лежащему без сознания противнику и оценил его состояние. Он видел, что попал, куда и целил. Пластина выдержала удар древка копья, лишь немного прогнувшись. А это значит, что хан выживет. А дальше...

Он подозвал ближайших из толпы степняков:

– Воины! Поднимите своего хана!

Его воины подвели ему коня. Он поднялся в седло и внимательно оглядел стоящих перед ним степняков. Его переполняли чувства вседозволенности, самоуверенности и удовлетворения собой. Он сделал! Он сумел!

– Боги свое слово сказали. Вы готовы выполнить их волю?

Ему ответили молчанием.

– Завтра утром кочевье начинает путь на север, – строго произнес Асланбек. И самодовольно рассмеялся, толкнув коленями коня.

– Или Боги накажут вас.

Глава 7

– Князь! Хевдинг пришел!

Владимир разорвал дистанцию с Ингельдом и, взяв секундную паузу, ответил слуге:

– Пусть ждет! Мы сейчас закончим.

Они с варягом провели еще по паре атак-защит, и Черных, облившись водой в бане и переодевшись, двинулся к горнице, приспособленной для неофициальных встреч. С момента, как в Полоцке жизнь вошла в спокойное русло, Черных снова приступил к прерванным тренировкам с холодным оружием. Это был не только меч. И тренеры, они же спарринг-партнеры из варягов, менялись, но на мечах работать Владимиру нравилось с вождем варягов. Наверное, это было не совсем правильным и противников нужно было менять, чтобы разнообразить технику, но они с Ингельдом за эти годы сдружились и часто учебные схватки сопровождались обсуждением текущих и перспективных вопросов. К тому же Черных не очень надеялся на свои возможности с холодным оружием. «Стечкин» ему был гораздо ближе.

Хевдинг, с которым у него была назначена встреча, находился на месте и был занят тем, что крутил в руках казачью шашку, до этого момента висевшую над креслом князя. Шашка досталась Черныху по наследству от прадеда, и когда он решился полностью сменить жизнь, то не смог оставить ее в той жизни. Хевдинг, происходивший из племени лютичей, был высок, жилист и традиционно лохмат. Типичное нордическое, не блистающее красотой лицо, пересекал относительно свежий рваный шрам. Удар задел и левый глаз, и теперь вместо него чернела кожаная блямба. Лютич появился в городе за неделю до начала ледостава. Появился неожиданно и, естественно, не один. Неожиданность была не в том, что он со своими людьми появился в Полоцке. Для города, находящегося на основном торговом пути, это было совсем не редкостью. Но еще ни разу в город не прибывал не просто хирд воинов севера, а род в полном составе – с женщинами, детьми и рабами. Хотя про рабов следовало забыть. Все люди, считавшиеся рабами рода, получившие право сесть за весла драккара или получившие оружие из рук хозяев, автоматически становились свободными. А таковыми оказались все. Что само по себе было удивительным. Но на этом странности не закончились.

Прибыли они на трех кораблях и, как заметили варяги, смотревшие за порядком на пристани, принадлежали эти корабли двум разным родам. Хотя по всем признакам все прибывшие были одним родом. Старший дежурной смены на всякий случай отправил гонца к начальнику стражи. И как оказалось, не зря. Прибывшие только-только успели разгрузить пожитки, которых оказалось крайне мало, как на реке следом за ними появились пять драккаров с воинами на борту. И главное, родовые знаки на этих кораблях совпадали со знаками на двух из прибывших ранее. Пятерка драккаров не стала причаливать на свободные места у пристани, как это принято у гостей, а сразу развернулась к берегу, высаживая команды по-боевому. Род, прибывший ранее, возле пристани стал в круг, закрыв собой детей. Место в строю заняли все – и воины, и бывшие рабы, и женщины. Вновь прибывшие сразу же начали группироваться к атаке, строя клин. Между первыми и вторыми тут же встал дежурный десяток варягов. Атакующие тем не менее внимания на них не обратили. Их явно было больше двух сотен и десяток варягов на своем пути они просто игнорировали. К счастью, на ближайшей к пристани башне города разглядели творящееся там непотребство и ударили в колокол. В этот момент из городских ворот уже начали выбегать варяги караула, оповещенные гонцом. Было их два десятка, но следом спешили латники и копейщики. Нападавшие замешкались, и еще через десяток минут перед выстроенным клином уже стояла стена из сотни воинов городского гарнизона. На ближайшей городской стене изготовились к стрельбе лучники. И из городских ворот уже не бежали одиночные воины, а выдвигались строем остальные подразделения Полоцкого гарнизона во

главе с воеводой Ингельдом. Еще через десять минут уже нахальные викинги перестроились в круг, зажатые между рекой и плотной стеной воинов гарнизона.

Воевода Ингельд вышел из строя и, оглядев нарушителей, негромко спросил:

– Кто старший? Хевдинг? Ярл? Конунг?

Он опознал родовые символы на драккарах. Лично с этим родом его путь не пересекался, но слухи доходили. Как и о тех людях, что стояли за спинами его воинов. Потому как этот род происходил из давних врагов варягов. И этот род что-то не поделил с одним из родов данов.

Так виделось это Ингельду, но следовало услышать объяснение от обеих сторон.

Строй раздвинулся, и вперед вышел совершенно неприметный человек, одетый в достаточно богатый доспех. Варяг, окинув вышедшего взглядом, с неприязнью отметил, что он именно одет в доспех. Не воин в доспехе, а просто доспех, надетый на случайного человека.

– Бонд Кирстен сын Ларса Рыжего. Я подданный короля данов Олафа Груды Развалин. Эти люди должны моей семье много серебра. И я вправе потребовать его у них. Это во-первых. Во-вторых, эти люди, – он снова указал на соперников, – украли у меня рабов, которых я, согласно праву, забрал у должника. В-третьих, эти люди угнали у меня два корабля. И я требую возврата моего имущества и выдачи преступников, которых я, опять же по праву, накажу.

Ингельд слушал его с неприязнью, хотя лицо варяга оставалось беспристрастным. Он не любил людей, подобных этому бонду, потому как сам принадлежал к противоположному сословию.

– Я услышал тебя! – оповестил воевода бонда.

И повернувшись, направился к противоположной стороне. Строй расступился перед ним и из круга навстречу ему вышел их вождь.

– Рассказывай!

– Мой род...

Ингельд прервал. Ему была известна любовь морских воинов к длинным историям.

– Коротко! Суть конфликта.

Ингельд говорил сухо и отрывисто. Он фактически был беспристрастен. Обе стороны не были союзны его племени. Даны были соперниками на море, а с лютичами они резались уже много десятков лет. И враги они были знатные!

– Вернулся с хирдом из вика. Поход был неудачный. Взяли мало. Перед походом, чтобы оплатить воинам прошлый год, взял в долг у знакомого купца. Возвращаясь домой, встретились с другим купцом, проходившим рядом с родовым поместьем. Он предупредил, что у меня дома не все хорошо. Поэтому высадились, не доходя до усадьбы и ночью. В поместье хозяйничали чужие воины. Часть семьи и рабов были убиты, остальные сидели под замком. Их собирались продать. Атаковали неожиданно и успешно. От пленного узнали, что мой долг выкупил сосед. И сейчас возвращает его моим имуществом... Хотел отомстить и атаковать ночью усадьбу обидчика, но узнал, что в поместье около двух сотен воинов и кто-то смог убежать и предупредить их. Мы же захватили два их корабля, на которых люди соседа пришли грабить мой дом, погрузили остатки имущества, людей и вышли в море. Мыслей, куда идти, не было. Просто понимали, что нужно уходить. Людей на веслах не хватало. Посадили всех, включая взрослых женщин. Сам понимаешь, далеко мы уйти не смогли. Спас туман и ночь. Удивительно, но мы не потерялись. А погоня отстала. Сюда пришли просто потому, что нас гнали в этом направлении.

Лютич замолчал. А потом добавил:

– Варяг! Мы готовы умереть. Спаси детей!

Ингельд молча кивнул, подтверждая, что услышал. Повернувшись, он с минуту постоял, размышляя, а потом двинулся к бонду.

– Сейчас ты, – Ингельд, избегая называть того по имени, ткнул пальцем в сторону бонда, – забираешь два своих драккара, твои люди садятся на корабли и вы уходите!

– Я имею право... – заблажил бонд.

– Не имеешь! – проревел взбешенный варяг. – Здесь нет твоего права! Здесь земля князя Вяземского и его вассала князя Полоцкого. Здесь нет также рабов. Я воевода князя Вяземского, варяг Ингельд, поставлен князем следить за соблюдением законов княжества. Если ты и твои люди сейчас же не покинут землю княжества – вы умрете!

Сзади грохнули сдвинутые щиты, и строй слитно сделал несколько шагов, приблизившись к воеводе в готовности его прикрыть. На мгновение повисла тишина. Бонд оглянулся в поисках помощи. Один из воинов, стоящих у него за спиной, видимо старший дружины, глядя на предводителя, отрицательно покачал головой.

– Я запомню! И отомщу! Мы... умеем ждать.

– Я уже испугался! – ответил воевода и усмехнулся.

Когда последний корабль бонда развернулся вниз по течению Двины, воевода повернулся и скомандовал:

– Отбой! Всем по распоряжку!

После чего подошел к беглецам.

– А теперь в подробностях.

Внимательно выслушав вождя беглецов, уже более мягким тоном пояснил:

– Я сейчас иду к князю – нужно доложить. Вы пока располагайтесь вон там под стеной. Я распоряжусь, вам пригонят походную кухню с продуктами и поваром. Он сегодня вас покормит, а дальше князь решит, что с вами делать.

Воевода доложил о случившемся и историю, всему этому предшествующую. Черных внимательно выслушал, одновременно обдумывая варианты использования произошедшего. Беглецами были остатки когда-то славного рода племени лютичей, попавшего в полосу неудач. Основателем рода был удачливый изгой племени, избравший путь морского воина. Шесть поколений род креп и процветал. Родовое поместье их находилось на одном из островов севернее земель варягов. Эти острова оспаривались несколькими племенами, и там сложилась ситуация, когда по соседству жили люди из разных племен. Соответственно, общего закона там не существовало, и люди жили, опираясь в основном на количество и силу клинков. Но вот на нынешнем поколении лютичей удача отвернулась от семьи. Один за другим пропали и погибли в виках пять братьев. Как назло, перед своими последними походами они брали в долг и, понятное дело, вернуть не смогли.

А вот те, кто гнались за ними, представляли собой противоположную историю. Это их соседи, изначально гораздо более слабые и терпеливые от первых, сильных и воинственных, множество неудобств и проблем. В этой семье очень плохо обстояли дела со смелыми и решительными воинами. Гораздо лучше получалось у них торговать и перепродавать. И вот это в конечном счете позволило этому роду обойти соседей и вспомнить все обиды. Они просто за деньги нанимали воинов. И желающих хватало. На Полоцкую землю сумел бежать с остатками рода последний – самый младший сын рода лютичей.

Нынешняя ситуация показала, что отношения этих двух соседских родов подошли к финалу. В голове князя обкатывался вариант использования людей, свалившихся на него как снег на голову. Хотя «снег на голову» не очень хорошо. Данный случай был лучше. Общую концепцию развития княжества Фомичева он помнил. Выслушав Ингельда, попросил того собрать максимум возможной информации о беглецах. Точнее, о хевдинге. Что делать сейчас, решили следующее: выделить место на пустыре снаружи стены, туда поставить рабочие вагончики, которыми летом пользовались строители; отдать во временное пользование походную кухню; разрешить охотиться и ловить рыбу в окрестностях города; разрешить найм на любые работы; налоги не брать; разрешить вытащить драккар на зиму на берег. Дальнейшее зависело от сведений, которые должен был добыть Ингельд. Плюс Черных на всякий случай решил запросить информацию у службы Никодимова.

Прошло время, и вот день, когда князь решил, что есть о чем говорить с хевдингом беглецов, настал.

– Первый раз держу в руках подобное оружие. Вроде сабля, но странная. Явно издалека. Одно могу сказать – это оружие всадника и предназначено оно для рубки бездоспешных воинов. – Встретил этой фразой вошедшего князя хевдинг.

– Ты прав! Называется это оружие – «шашка». Почему так – не знаю. Мне досталось по наследству от прадеда. Как меня зовут, ты уже наверняка знаешь – князь Полоцкий Владимир, сын Ивана.

– Драговит, сын Милогоста, – представился лютич и покачал в руке шашку, пробуя баланс. – Добрый клинок! – кивнув, одобрил хевдинг и, вложив шашку в ножны, протянул ее князю. Тот принял оружие и аккуратно повесил на место.

– Присаживайся! – указал Черных на кресло напротив своего. – Разговор у нас будет долгий. Выпить чего желаешь? Пиво? Вино? Может покрепче чего?

– От пива не откажусь.

– Хорошо! – И кликнув слугу, распорядился принести бочонок пива, решив, что если просто поставит на стол по кружке пенистого напитка, то обидит гостя.

Молча подождали. Гость поднялся из кресла и подошел к глобусу, что стоял на столе у окна. Возможно, у него и возникли какие-то вопросы по этому предмету, но тут принесли пиво, и Черных на правах хозяина наполнил высокие пивные кружки. Стекланные, что было отмечено лютичем, внимательно осмотревшим свою перед тем как приложиться. Черных пригубил пиво, забросив в рот кусочек пресного сыра, а вождь просто махнул всю кружку сразу. Вытер рукавом рот и еще раз внимательно рассмотрел стеклянный предмет.

– Пиво слабовато. А вот кружка... Первый раз такую в руках держу. Хотя слышал об этом.

– Я легкое пиво предпочитаю, – отозвался князь и предложил: – Наливай сам.

И добавил, заметив интерес гостя:

– А кружку дарю.

Лютич тут же воспользовался предложением и снова наполнил кружку. Изрядно отхлебнув, поставил пиво на стол.

– Чего хочешь, князь? Я помню, что должен тебе. Если будет по силам – готов отплатить тебе добром за добро.

– Твою историю я знаю. И не только с твоих слов. Ты не агнец божий, но это нормально. В этом мире по-другому нельзя. У моего народа есть поговорка «с волками жить – по-волчьи выть!». Поэтому оставим прошлое в стороне. Будем говорить о настоящем и будущем. Что находится в устье Двины, знаешь?

Гость помедлил и ответил:

– Это место далеко от моей земли, но знаю. Нищая деревушка там стоит. Она ничья. И поэтому ее грабят все кому не лень. Как только в деревне появляется что-то, что можно отобрать, это обязательно будет отобрано. А ничья она потому, что никому не позволили там укрепиться. И что? Ты хочешь, чтобы мы ее ограбили? Или сожгли?

– В этом месте будет построена верфь и, естественно, при ней будет городок, который вырастет в дальнейшем в город. Верфь строить и руководить ею будет княжий человек. Он же и будет отвечать за нее перед князем. А вот заняться городом я хочу предложить тебе.

Лютич флегматично пожал плечами и отхлебнул из кружки.

– Я не могу отказаться от данного тебе слова, и если тебе так уж нужно – мы умрем. Зачем только тогда нас нужно было спасать от мечей и голода? Зачем так сложно? Как только наши враги, да и не враги тоже, узнают, что мы заняли землю, не принадлежащую нашему роду, немедленно придут взять наши жизни и имущество. Если родовая земля дает хоть какое-то право на ее владение, потому что однажды оно было подтверждено мечами, то здесь предстоит

это сделать. И ты не хуже меня понимаешь, что для нас это смерть. К сожалению, от моего рода почти ничего не осталось.

– Понимаю, и мне не нужна ни твоя смерть, ни твоих близких. Мне нужно, чтобы ты ПОСТРОИЛ, – Черных выделил слово голосом, – там город. И сел в нем своим родом. Сейчас ты просто мне ответь: готов ли ты к этому? Если готов – мы обсудим детали.

– Мне трудно говорить о том, что я плохо себе представляю. Я топором хорошо умею сносить головы, но точно не смогу построить драккар и, наверное, плохо смогу срубить избу. Да и мои родовичи не этим на жизнь зарабатывали.

– Никто подобного от тебя и не ждет. Тебе дадут людей и дадут серебра, чтобы ты нанял недостающих. Ты должен будешь управлять ими, решать их проблемы и, главное – строить город. И твой род будет тебе в этом помогать. Скажу больше – мне нужно, чтобы ты начал строить, занял это место. В дальнейшем ты можешь заняться другими, более привычными для тебя делами. Готов?

Хевдинг на минуту задумался и наконец ответил:

– Я уже сказал – я готов вернуть долг. Если он таков, я исполню его. По крайней мере, приложу все силы, чтобы исполнить.

– Хорошо! Тогда тебе, как главе рода, придется принести клятву верности князю Вяземскому.

– Я его не знаю. И ему ничего не должен. Я должен тебе. Тебе готов поклясться Богами. Черных отрицательно качнул головой.

– У нас ВСЕ! Я подчеркиваю – ВСЕ приносят клятву князю Сергею Владимировичу. От простого крестьянина до бояр и князей. Я в том числе. И если ты не в курсе – варяги гарнизона подчиняются мне по службе, но служат они князю Вяземскому. Таков у нас обычай.

– Странно это. Так что ж – вокруг тебя не твои люди, а люди другого князя?

– Именно!

– Хм! А по-другому никак?

– Нет. И если ты не согласен, весной, ты уж не обессудь, твой род город покинет. На земле кривичей для твоего рода земли нет.

– Князь, я не боюсь этого. Я не боюсь сам умереть, но надо мной висит долг перед родом. И перед тобой. Может, и не все делалось моими предками правильно, но честь рода мы берегли всегда. Поэтому у меня нет выбора. Я принесу клятву верности тому, кому ты скажешь. Когда это нужно будет сделать?

– Это как решит князь. Но думаю, что скоро нам предстоит посетить Вязьму. Запомни! Ты будешь клясться за весь род. Сейчас иди, я вызову тебя.

Глава 8

Пока его род обживался и Драговит ждал вызова от князя, они многое увидели необычного в этом городе и еще больше услышали, но того, что произошло через несколько дней, представить не могли. Драговит удачно отсутствовал – в этот день он с мужчинами был в лесу на заготовке дров. «Удачно» потому, что не мог с уверенностью ответить себе на вопрос, а как бы он повел себя, увидев железную птицу в небе? Ведь некоторые родовичи появились в их лагере лишь с наступлением темноты, спасаясь от ужаса в лесу. Драговит увидел ее уже стоящей в поле поодаль от города под охраной двух варягов. И только их присутствие убедило его в возможности подойти ближе. Варяги, смеясь в голос, рассказали, что творилось в городе, когда эта птица появилась в небе. Хотя потом, по секрету, сообщили, что сами того... струхнули изрядно. А сейчас вот стоят рядом, и ничего. Даже потрогать можно. Железо и железо! Но Драговиту показалось, что даже от неподвижной птицы тем не менее веет опасностью. И каково было его изумление, когда оказалось, что именно на этой странной железной птице ему предстоит лететь к князю Вяземскому. Правда, узнал он об этом в последний момент. Утром следующего дня в дверь его домика стукнули пару раз, и вошел князь Полоцкий.

– Утро доброе! Собирайся! Едем в Вязьму.

– Я готов, но как ты знаешь, коня у меня нет.

Собирать было нечего. Кроме походной одежды, чистой, но уже достаточно заношенной, брони и оружия, у Драговита ничего не было. Единственным, что родовичи смогли выменять для своего вождя, был старенький полушубок, который вождь накинул поверх кольчуги. Критически оглядев его, князь промолвил:

– М-да... об этом я не подумал. Ну, да ладно! Воин ты справный, и это главное. Пошли! Насчет коня не беспокойся.

И князь почему-то хохотнул.

Они вышли на улицу, и лютич остановился, ища глазами коней.

– Пошли со мной! – окликнул его князь и подтолкнул в сторону поля, где стояла железная птица, рядом с которой сейчас было оживленно.

У Драговита появились смутные подозрения. Он готов был уже высказать их князю, но в этот момент они догнали идущих в том же направлении двух женщин. Одна из них несла ребенка на руках, видимо служанка, потому как была попроще одета, а другая в дорогой шубе шла рядом.

– Познакомься! Это моя жена – Аурелия Вульфовна и мой сын Леонид. А это хевдинг Драговит, сын Милогоста! Я тебе про него рассказывал.

Женщина в дорогой шубе кивнула в ответ.

Пока все это происходило, они уже почти дошли до железной птицы. Вокруг нее суетились странно одетые люди, и здесь же стоял с десятков латников во главе с воеводой. Оказываясь, у птицы в боку была дверь, сейчас открытая, и маленькая лестница перед ней. Драговит хотел на всякий случай уточнить, что это все значит, как один из странно одетых людей указал рукой на дверь и приказным тоном распорядился:

– Так! Заходим! Рассаживаемся!

Драговит даже сделал шаг назад, собираясь отказаться, когда обе женщины покорно с помощью странного человека стали подниматься по лесенке. Причем хевдинг просто нутром чувствовал, что они жутко боятся, особенно служанка, но вида не показывают. Только одновременно обе побледнели. И лютичу стало стыдно. Он остался. Внутри птицы поднялись латники, и князь сделал ему приглашающий жест. Собрав всю волю в кулак и в душе молясь всем известным богам, Драговит на деревянных ногах двинулся вперед.

Внутри птицы оказалась большая горница с двумя рядами кресел. На одно из них и указал князь, приглашая сесть и устраиваясь на соседнем. Лютич отметил про себя, что многие из латников, хотя внешне и были спокойны, в руках зажимали обереги. А дальше все происходило как во сне: вид на Полоцк с высоты птичьего полета, мелькание лесов и замерзших рек внизу, проплывший в стороне Смоленск, а через некоторое время Вязьма. Смоленск Драговит рассмотреть не успел, да и не близко от него они пролетали. А вот Вязьму он получил возможность рассмотреть не только с воздуха. Когда приземлились, их встретили, посадили в тоже железные, но уже просто повозки без лошадей, и повезли в замок. Это тоже было странно и удивительно, но после полета уже воспринималось спокойнее, и лютич с интересом смотрел через окно на улицы города и людей, его населяющих. В замок пошли вдвоем с князем. Его охрана двинулась в казармы, а женщины – в гостиницу. Княжеский замок его не поразил – приходилось ему видеть подобное, – но он отметил добротность и продуманность укреплений.

Князем Вяземским оказался среднего роста крепкий круглолицый мужчина в одежде странного покроя. Увидев вошедших, он поднялся из-за стола навстречу и, обойдя его, обнял князя Полоцкого.

– Здравствуй, Владимир Иванович! Давно не виделись. Ты насколько задержишься?

– Здравствуй, Сергей Владимирович! Думаю, денька на три. Жена очень хочет и с матерью пообщаться, и сестренку, недавно родившуюся, понынчить.

– Да, осчастливила твоя теща Сергея Петровича! Ходит абсолютно невменяемый, чем сильно меня удивил. Я думал, он кроме своих железяк, больше ничего и не любит. Ну, а это тот самый твой протеже? Колоритный молодой человек! Хотя о чем это я? Тут каждый второй, если не первый – олицетворение мужественности. Причем не показной, а реальной.

И протянув руку, представился первым:

– Князь Вяземский, Сергей Владимирович!

Драговит, уже знавший про этот обычай приветствия, пожал протянутую руку.

– Драговит, сын Милогоста!

– Я в курсе истории твоего рода. Давайте, снимайте верхнюю одежду и присаживайтесь. Обсудим все. – И уже обойдя стол и усаживаясь на свое место, уточнил: – Кстати, вы как насчет обеда? Еще, правда, рановато, но неизвестно, насколько это у нас затянется. Поэтому предлагаю легко перекусить.

Фомичев вопросительно взглянул на гостей.

– Не против. По привычке перед полетом не кушал. А уважаемый вождь давно на диете, – ответил Черных, přátельски хлопнув лютича по плечу.

– Ну и хорошо! Заодно и Владимира Викторовича подождем. Я его вызвал. Ты как, Владимир Иванович, не против кандидатуры Самсонова? Решил я его на Балтику поставить.

Тот в ответ пожал плечами.

– Я – сапог! В морских делах ничего не понимаю. Тебе видней. Тут главное, чтобы Самсонов с Драговитом сошелся. Им вместе работать.

Хевдинг слушал их беседу и понимал лишь одно – они говорят о его будущем, поэтому сидел молча.

Принесли «перекус» – слуги перед каждым поставили поднос с бутербродами и кувшинами с морсом.

– Так, руки мыть вот тут! – указал на неприметную дверь князь и первым направился к ней.

Драговит не понимал смысла всех этих действий, но безропотно подчинялся, положившись на судьбу. В последнее время в присутствии этих непонятных и странных людей он ощущал себя ребенком, который только познает мир. Это крайне смущало и раздражало его, но он вынужден был смириться. Выбор был невелик.

Хевдинг попробовал «перекус». Понравилось. Голодный желудок радостно отреагировал, наполнив тело приятной теплотой. Фомичев, заметив его аппетит, поднял какой-то предмет и что-то сказал. И через короткое время перед Драговитом была поставлена вторая порция. Ее он заканчивал уже в одиночестве. Собеседники не обращали на него внимания. Черных рассказывал о состоянии дел в Полоцке. Он уже заканчивал, когда к их компании присоединился еще один человек.

После традиционного приветствия со всеми присутствующими, незнакомец расположился в кресле справа от лютича.

– Владимир Викторович, познакомься – это твой напарник. – Князь кивнул на вождя. – Хевдинг, по-нашему вождь, из племени лютичей. Драговит, сын Милогоста! Судьба распорядилась так, что он вместе со своим родом вступает в наши ряды. Официальная церемония принятия присяги будет завтра, а сегодня мы можем обсудить наши общие дела.

Князь произнес это так, что хевдингу захотелось встать.

– А это Самсонов Владимир Викторович, или чтобы понятнее тебе – Владимир сын Виктора. – Означенный человек кивнул в знак приветствия. – Вам предстоит жить и работать вместе. Хотя у каждого будет своя задача. Владимир Викторович в целом с ней знаком, поэтому подробно остановлюсь на том, что предстоит сделать тебе, Драговит.

Фомичев встал и, заложив руки за спину, принялся ходить по помещению.

– Тебе предстоит преобразовать ту деревеньку, что имеется там сейчас, в город. Не сразу, со временем. Укрепленный город, который прикроет с суши верфь и порт. Твои ресурсы: твой род, кстати, сколько у тебя воинов? – неожиданно поинтересовался князь.

– Со мной – две дюжины! – отозвался хевдинг. – Мужчин всего около четырех десятков, но воинов – две дюжины.

– Хорошо! Мы готовились к решению этого вопроса и подобрали еще три десятка воинов с берегов Варяжского моря. Это уже зрелые воины, заимевшие семьи, но не имеющие своей земли и желающие осесть вблизи моря.

– И они согласятся вступить в мой хирд? – удивился хевдинг.

– Не твой хирд, а мой. И они уже давали мне клятву, – спокойно поправил его князь. – И ты в этом хирде командир. Если, конечно, ты еще не передумал давать клятву.

Драговит тяжело вздохнул. Для него все это было сложно и непонятно. Но отступить было некуда. Да и поздно. Слово-то он уже дал полоцкому князю.

– То есть людей в твоём подчинении добавится, – продолжил князь. – Кроме этого, с вами пойдет сотня латников, сотня лучников и сотня легкой пехоты. Эти люди ПОКА будут подчиняться сотнику латников. Я подчеркиваю – ПОКА! Мы посмотрим, чего стоит он и ты, и тогда определимся, кто будет воеводой города. Название его пока под вопросом.

Князь перевел взгляд на Самсонова.

– Владимир Викторович, определились, что будете строить?

– Шхуны. Самое универсальное в оснастке и подходящее нам по размерам.

– Хорошо! Тебе виднее. Кроме воинов идут три артели строителей – по одной на город, порт и верфь. В общем, людей там прибавится, и изрядно. Кратко все! Вопросы есть? – Фомичев поочередно посмотрел на Драговита и Самсонова.

– Вопросов нет. Тем более время для подготовки имеется, – ответил Самсонов.

Вождь неопределенно пожал плечами. Понятного было крайне мало, но переспрашивать он побоялся. Одна надежда на полоцкого князя.

– Ну, а возникающие вопросы будем решать по мере поступления, – подвел черту Фомичев. – Так! Теперь по официальной части.

Он склонился над столом и перелистал блокнот.

– Часиков в десять! Да! В десять часов жду всех здесь присутствующих на официальное мероприятие. – И еще раз взглянув на хевдинга, открыл ящик стола и вынул оттуда мешочек.

– Володя! – доверительно обратился он к Самсонову и бросил звякнувший монетами мешочек на стол. – Помоги нашему новому товарищу, своди туда, куда нужно, чтобы он выглядел соответствующе. Заодно и познакомьтесь поближе.

Самсонов критически оглядел партнера и озвучил решение:

– Ну, пошли на шопинг.

Драговит не понял, что он сказал, но, попросившись с князьями, покорно двинулся следом. Первая лавка была одежная. Хотя лавкой ее назвать язык не поворачивался – хорошо освещенное уютное помещение, в котором можно было купить одежду – от исподнего до шуб. Причем одежду фасонов и расцветок, которых ранее Драговит не встречал. Ему купили две пары теплого белья, трое штанов на пуговицах и с карманами; три теплые рубахи тоже на пуговицах и с карманами на груди; два предмета, называемых «свитер», из шерсти и надеваемых через голову; две пары высоких сапог и две пары высоких ботинок со шнуровкой; две шапки – одну меховую «ушанку» и вязаную круглую шапочку; полушубок и плотный плащ от дождя. Все перечисленное Драговит примерял под наблюдением Самсонова. И если тому что-то не нравилось, торговец менял товар, часто на точно такой же, но большего или меньшего размера. Это было удивительно. Его собственную одежду партнер предложил выкинуть, но Драговит отказался это делать, сказав, что она хорошо подходит под броню. Ее и остальные обновки упаковали в удобный мешок с широкими плечевыми лямками.

Сколько это все стоило, хевдинг не знал. Во-первых, расплачивался Самсонов, во-вторых, он еще не видел таких монет из золота и не знал их ценности. Однако по виду ополовиненного мешочка понял, что вещи, приобретенные им, не дешевые. Об этом он догадывался, глядя и ощупывая ткань одежды и кожу обуви. Все это заняло немало времени. Перед выходом из лавки продавец подвел Драговита к удивительному зеркалу во весь рост, где тот смог увидеть свой новый облик. В первый раз в жизни, кстати. Поэтому не сразу понял, что напротив него стоит не незнакомый, достаточно богато выглядящий, воин, а он сам. Шрам и повязка, закрывающая глазницу, уверили Драговита, что это он. Точнее, отражение. Это его ошеломило.

– Пойдем-ка, пообедаем, – отвлек его от самолюбования Самсонов. – Заодно придеешь в себя. У нас впереди еще посещение оружейного завода.

Обедали в корчме. Так назвал ее Самсонов. У хевдинга язык не повернулся назвать это корчмой. Слишком велики были отличия. В его понимании «корчма» – это помещение, часто мало отличающееся от хлева или сарая с соответствующими запахами, где в полутьме можно было съесть мяса с лепешками и выпить пива. Там же можно было незаметно получить нож в бок, ну, а лавкой по голове – так это зачастую. В эту же корчму в старой одежде Драговит постеснялся бы зайти. В новой-то чувствовал себя неловко. Высокий белый потолок с ярко светящимися светильниками, большие прозрачные окна, льющаяся откуда-то незнакомая музыка, красивая легкая мебель, хорошо одетые мужчины и женщины за столами и такая же опрятная прислуга. Заказывал Самсонов, но вкуса пищи лютич не запомнил – он разглядывал окружающую обстановку.

Заметив это, Самсонов озабоченно пробормотал:

– О, как тебя накрыло-то! Даже не знаю, стоит ли на оружейный тебя вести?

И, поразмыслив, добавил:

– Хотя... вы все тут ребята крепкие! И головой, и телом. Другие тут долго не живут. Драговит! Давай кушай! У нас впереди самое интересное для тебя.

Лютич на эти слова прореагировал.

– А куда мы еще идем?

– Ну, ты как бы поступаешь на службу в княжество не простым воином. А в княжестве порядок таков: оно вооружает воинов за счет казны. Поэтому пойдем выбирать тебе оружие, броню. Ну, что там полагается еще? Там есть специально обученные люди, которые все объяснят и подскажут.

– В кузню пойдем?

– Можно и так сказать.

В кузню пришлось ехать за город. Правда, кузня, как и лавка, и корчма, на кузню была совсем не похожа. Но с тем, что обычные для Драговита слова совсем не подходят к тому, что ему приходится видеть, он уже смирился. Они вошли в кузню, где стучали десятки молотов разного размера и веса, что-то визжало, летели искры и десятки людей, только похожих на кузнецов, работали с железом.

Внутри у входных ворот стояли двое молодых, но солидных мужчин и о чем-то разговаривали, пытаясь с помощью жестов побороть мешающий разговору шум.

– О! На ловца и зверь бежит! – обрадованно заявил Самсонов, увидев их.

Он подвел Драговита к мужчинам, которые прервали разговор и с любопытством разглядывали хевдинга.

– Представляю вам моего партнера по строительству, назовем старым названием пока, Риги – хевдинга Драговита, сына Милогоста. А это главный кузнец нашего княжества – Сергей сын Петра и воевода княжества – Федор сын Ивана.

Мужчины поочередно обменялись с Драговитом рукопожатием, и Самсонов продолжил:

– Завтра у него присяга, князь вот выдал аванс – приказал одеть и снарядить. С одеждой вроде бы вопрос решили, ну, а с воинским снаряжением, Федор Иванович, наверное, тебе лучше помочь.

– А чего ж не помочь? – произнес воевода степенно и с достоинством, как и следовало его чину, и обратился к лютичу: – Но сначала мне нужно знать, кто ты?

Драговит коротко рассказал о своем роде.

– Ну что ж! К людям твоего пути у нас особое отношение – ты имеешь право выбора оружия. Поэтому пойдем, посмотрим, что есть в закромах Петровича. Вы с нами?

– Мы на воздух. Там вас подождет. У меня есть вопросы по оснастке верфи. Но вы не затягивайте! – ответил за оставшихся Самсонов.

А Драговит направился вслед за уходящим воеводой. Который привел его в кладовую. Это был шок! Столько отличного, дорогого и разнообразного оружия вождь не видел никогда. Глаза его разбежались. И, наверное, он никогда бы не выбрался отсюда, но помог воевода.

– Ты исходи из того, чем умеешь лучше пользоваться и что тебе ближе. Это по оружию. По броне подскажу.

Хевдинг постоял в раздумье и решительно двинулся к стеллажу с одноручными секирами. Выбирал долго, пробуя каждую. Наконец выбрал – с крепкой рукоятью, удобно ложащейся в ладонь, и лезвием из отличной стали. Следующим был щит. Драговит выбрал привычный – большой и круглый. Разницей с обычными щитами было то, что этот был не деревянным, а железными, следовательно, очень легким. Таких ему видеть не приходилось. В качестве запасного оружия выбор пал на тесак с локоть длиной. Тут же подобрали и ремень с плечевыми лямками, на который вешалась сбоку секира и сзади тесак. Далее перешли к броне. Тут уже выбирал воевода.

– Поступим типично. Поддоспешник, закрытый шлем, с опорой на плечи. Бриганта, наручи и поножи. Сверху пурпурный плащ.

Все это он говорил и складывал на руки Драговита, идущего за ним по пятам.

Когда все было надето на Драговита, воевода снова подвел его к ростовому зеркалу. Увидев свое отражение, Драговит понял, что готов прямо сейчас принести клятву верности всеми известными богами. Доспех и оружие стоили едва ли не как его драккар.

А воевода продолжал:

– Своей дружине, или хирду – как тебе удобней – сам закажешь снаряжение. Писать, наверное, по-нашему не умеешь?

Лютич отрицательно качнул головой.

– Ну, значит, кто из наших будет, тот и напишет. Сейчас где располагаетесь?

– В Полоцке.

– Обратись к Ингельду. Он поможет. Кстати, как у тебя с ним? Я слышал, варяги с твоим племенем враждуют?

– С Ингельдом нормально. Лучше, чем могло бы быть.

– Это да. Он человек разумный. И думающий. Ладно, вроде бы ничего не упустили.

Эту ночь Драговит спал как младенец. Мозг, перегруженный впечатлениями, отключился сразу, как только голова коснулась подушки в гостинном доме. И ночью ему снилось детство и молодые отец и мать.

Утром следующего дня Драговит, сын Милого-ста от имени остатков своего рода абсолютно чистосердечно поклялся в верности князю Вяземскому Сергею Владимировичу. Этот день он отметил в корчме в компании Самсонова, воеводы Федора Ивановича и незнакомого богато одетого воина, в котором Драговит нутром чувствовал собрата, назвавшегося Чтибором.

Глава 9

Солнце на закате красиво подсвечивало башни и стены приближающегося Киева. Под копытами многочисленных коней и колесами повозок поскрипывал свежий снежок. Олег оглянулся на растянувшийся караван. Лошади, головы которых окутывали клубы морозного дыхания, терпеливо тащили возы с собранной данью. Первый раз он с дружиной ходил в полюдье в Киевском княжестве. Посмотрел народ на погостах, оценил, как живут его новые данники, рассудил несколько тяжб. В общем, пополнил казну и выполнил свои княжеские обязанности. Игоря с собой не брал – мал еще. Походом остался доволен. Народ здесь от земли жил зажиточней. Зверя было меньше, леса по сравнению с новгородскими были мелковаты, зато скотины держали больше. Места для пастбищ хватало. Не нужно было бороться с лесом за каждую пядь земли. Да и сюда уже проникли новинки от вяземских кузнецов – косы позволяли заготавливать на зиму достаточно кормов. В самом княжестве в этом году было тихо. Все приглядывались к новому князю. Даже на границе степи в этом году не шалили степняки. Говорят, пошли они походом на земли князя Вяземского, да там и сгинули. Что похоже на правду.

В переходах между погостами было время подумать, и Олег думал. Думал о том, стоит ли поступить так, как князь Сергей – не ходить в полюдье, а перевести все в золото и серебро? Но не уверен был, поймут ли его здесь? Хватит ли у него того же золота и серебра расплатиться со всеми? Это у Сергея злата и серебра полные закрома, а у Олега пока что запас невелик. С дружиной расплатиться за этот год хватило и немного осталось, но именно немного. На восходе, за Днестром, данники сказали, что их охочие люди доходили до мест, где обосновались люди вяземского князя. Рассказывали всякие небылицы, обычные для рассказов об этом княжестве. Но кузнецы этих сел уже опробовали руду, которую им привезли оттуда, где ее добывают кривичи. И подтвердили, что она не хуже той руды, что иногда привозят из-за моря. И главное – ее много. Сказали, что кривичи брать ее в сумы переметные разрешают, а вот возами пользоваться не дают. Изделий в кузницах из доброго железа мало. А хотелось бы больше. И кузнецам, и Олегу. Придется все же воспользоваться приглашением вяземского князя, навестить его. Заодно поговорить насчет руды. Все же одно общее дело у них есть. Кстати! Дело! По словам Сергея, весной он начнет обустривать волок из Угры в Десну. Купцы доложили, что ход из Днестра в Западную Двину кривичи закончили в конце лета. Очень довольны купцы. Теперь не нужно перегружать товары или платить артелям солидную мзду и тащить лодьи в гору. Волоки стали проходить быстрее и дешевле. И вложенное обязательно многократно вернется. Олег видел – строилось все на века. Поэтому нужно передать Сергею уговоренную долю. А отправить нужно с гостем, что стал его личным купцом. Ему верить можно. С охраной подobaющей, конечно. Самому ехать не с руки – дел много, а людей, на которых он может положиться – мало. Пока мало.

Об этом следует оповестить вяземского посла. Посольство прибыло чуть погодя, как он, Олег, сел в Киеве. С помощью Олега купили двор с крепким забором неподалеку от детинца, повесили знамя вяземского князя над воротами и понаторкали непонятных штырей на крыше дома. Людей в посольстве было мало. Буквально два десятка, включая поварих. Причем двое в пятнистой одежде странного покроя. Эти, как и посол, со двора вообще без сопровождения не выходили. Чем они занимаются, выяснить не удалось – что-то связанное с волхованием. Посол – крепкий уважительный дядька из смоленских кривичей, по приезде посетил детинец и представился Олегу, передав письмо от князя Сергея. Сам же его и зачитал, потому как такую грамоту никто из Олеговых людей не знал. Князь просил отнестись к его людям благосклонно, помочь с двором и указал, что если понадобится князю Киевскому срочно связаться с ним, нет необходимости отправлять гонца в Вязьму. Нужно просто обратиться к послу, и он все устроит. Также предлагал прислать киевское посольство и обещал оказать тому всемерную

помощь. Посольство Олег отправил на исходе лета. Весть о том, как они устроились, до полудня получить не успел. Хотя вяземский посол передал, что все у них там устроилось.

Время поговорить с вяземским послом нашлось только через седмицу. Все эти дни Олег разгребал скопившиеся за время его отсутствия дела. Вызывать посла к себе не стал, решил посмотреть посольский двор. До этого он там ни разу не бывал. Захватив с собой двух воинов, сразу после раннего завтрака вышел из детинца.

Подойдя к воротам с развевающимся на ветру красным знаменем, один из воинов грохнул по ним латной рукавицей.

– Кто? – почти немедленно из-за ворот последовал вопрос.

– Князь Киевский и Новгородский Олег! – объявил воин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.